

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1988

9

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН
УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУ-
ЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор
ист. наук З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. З. ЗИЯ-
МОВ, доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор фи-
лол. наук Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУ-
НИН, доктор филос. наук Х. П. ПУЛАТОВ, доктор ист. наук
Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУ-
ЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос. наук
Т. С. САИДБАЕВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕ-
ВА, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук
К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХА-
МЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист.
наук Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секре-
тарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент: ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Негмагова*

Сдано в набор 30.09.88. Подписано к печати 25.10.88. Р16254. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская №1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,90.
Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 948. Заказ 236. Цена 65 к.

Типография Издательства «Фан»: Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Слово делегату XIX конференции КПСС

В составе делегации Компартии Узбекистана на XIX Всесоюзной конференции КПСС был член ЦК КПУз, академик-секретарь Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР, заместитель главного редактора журнала «Общественные науки в Узбекистане», академик АН УзССР А. А. Аскарлов. Редакция журнала попросила его поделиться с нашими читателями своими впечатлениями о форуме советских коммунистов, ставшем важнейшим политическим рубежом перестройки.

А. А. АСКАРЛОВ

ВАЖНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ ПАРТИИ И НАРОДА

XIX Всесоюзная партийная конференция прошла в духе подлинно ленинских традиций. В обстановке партийной принципиальности, откровенности и деловитости обстоятельно и всесторонне были рассмотрены поставленные в повестку дня вопросы: 1. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС, основных итогах первой половины двенадцатой пятилетки и задачах партийных организаций по углублению процесса перестройки; 2. О мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества.

Делегаты конференции с большим вниманием заслушали доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, в котором были затронуты жизненно важные вопросы развития и углубления перестройки, реформы политической системы советского общества, демократизации руководящей деятельности и внутрипартийной жизни КПСС.

В течение четырех дней в Кремлевском Дворце съездов шла большая, напряженная работа. В прениях выступило 70 человек. Каждый день проводилось по три заседания: два в первой половине (по 2 часа) и одно заседание — во второй половине дня. И если в обычные дни мы работали с 10 часов утра до 6 часов вечера, то 1 июля, в день завершения конференции, работа продолжалась до 11 часов ночи. На принятие 6 резолюций ушло более 4 часов, хотя проекты их были розданы за два дня до обсуждения. Кроме того, над резолюциями работало 6 комиссий. По первым двум резолюциям: «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки» и «О демократизации советского общества и реформе политической системы» — во главе с М. С. Горбачевым работало 165 делегатов, по остальным резолюциям — по 53 человека, причем по резолюции «О межнациональных отношениях» в состав комиссии дополнительно было включено еще 7 человек. В процессе основательного обсуждения резолюций в комиссиях выступили со своими замечаниями

165 человек, а во время их обсуждения на пленарном заседании — еще 31 делегат. По проекту резолюции «О борьбе с бюрократизмом» в комиссии выступили 27 человек, внесших более ста предложений и поправок, а по проекту резолюции «О международных отношениях» внесли замечания 37 делегатов.

В ходе обсуждения было немало острых моментов, высказывалась откровенная критика в адрес отдельных членов Политбюро, секретариата ЦК. Были замечания и в адрес Президиума конференции о том, что опять дается возможность высказаться «штатным» ораторам. Говорили и о том, что мало выступают представители рабочего класса, колхозного крестьянства, женщин. Президиум конференции быстро реагировал на эти замечания. Вскоре на трибуне конференции поочередно появились 9 представителей рабочего класса, 4 работника колхозов и совхозов; выступили 18 представителей интеллигенции, 5 министров и руководителей министерского ранга, 5 генеральных директоров промышленных предприятий. Из числа первых секретарей союзных республик и обкомов КПСС выступило 29 человек.

Все выступавшие высказывали горячую поддержку линии партии, делу перестройки.

Аудитория конференции была исключительно активной и требовательной. В ней царили дух демократии, открытости, гласность. Если оратор говорил не по существу, сбивался на самоотчет (особенно это касалось отдельных секретарей обкомов и ЦК союзных республик), аудитория остро реагировала на подобные факты. Заслуженные упреки со стороны делегатов прозвучали в адрес ученых, особенно академической науки. Запомнилось, в частности, выступление генерального директора Ивановского станкостроительного производственного объединения В. П. Кабаидзе. Так, критикуя Г. И. Марчука, он сказал: «Я слушал здесь внимательно Гурия Ивановича. Он человек, к которому я отношусь с большим уважением. Я ожидал от него смелых предложений. Но они не прозвучали. Мы науку тоже должны перевести на самофинансирование, хватит кормиться из центрального бюджета. Нам нужны научные учреждения типа Института Патона и Глушковского».

Делегаты от рабочего класса, колхозников требовали, чтобы ученые нашли методы и способы повышения отдачи науки. Критиковали нас за инертность, пассивность, спокойствие, отсутствие конструктивных, деловых решений по актуальным запросам народного хозяйства. Много претензий было высказано в адрес представителей экономических наук, обществоведов в целом. Я считаю эту критику совершенно справедливой.

Была высказана критика, причем очень серьезная, и в адрес редакций отдельных газет и журналов («Огонек», «Московские новости», «Социалистическая индустрия»), на страницах которых публиковалось немало недостоверных фактов, незаслуженно обвинялись отдельные республики, искажались факты, допускалось оскорбление личности. Вместе с тем многие делегаты говорили, что критические статьи в последнее время зачастую остаются без ответов, что снижает их критическую силу, а с другой стороны, остается безнаказанной тенденциозность отдельных публикаций, наносящих ущерб делу перестройки.

На конференции было много очень интересных выступлений, в которых высказывались оригинальные мысли и ценные практические предложения, нацеленные на успешное осуществление перестройки. Так, конкретные деловые предложения высказали генеральный директор Ивановского СПО В. П. Кабаидзе, писатели Ю. В. Бондарев, В. В. Карпов, Б. И. Олейник, академик Л. И. Абалкин, учительница истории С. А. Федотова, председатель колхоза А. П. Айдак, председатель Госкомитета

по охране природы Ф. Т. Моргун, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Р. Н. Нишанов, первый секретарь ЦК КП Латвии Б. К. Пуго и др.

Много внимания было уделено современным аспектам национального вопроса, неизменно актуального в нашей многонациональной стране. В свете последних событий в Нагорном Карабахе, Казахстане, Прибалтике, Якутии вопрос межнациональных отношений стал одним из важнейших в политике перестройки. Не случайно конференция приняла специальную резолюцию «О межнациональных отношениях». Весьма актуальны, в частности, проблемы языковой политики, развития национальных языков, национально-русского двуязычия. В последние годы, например, часто критикуется плохое знание русского языка призывниками из Средней Азии. Это справедливо. Но чтобы сельский парень овладел русским языком, ему необходима соответствующая языковая среда. Между тем уровень владения языком многих преподавателей настолько низок, что требовать свободного знания его от учеников просто смешно. С такими школьными уроками мы далеко не пойдём. В этом виноваты мы сами. Вместо того, чтобы обеспечить сельские школы учителями с достаточным знанием языка из центральных городов республики или Российской Федерации, при каждом пединституте открывали национальные группы факультетов русского языка и литературы. Туда зачисляли молодежь без сколько-нибудь достаточной языковой базы. Такой неразумный подход к изучению русского языка даёт теперь свои плоды.

С трибуны конференции звучали мысли о том, что в многонациональной Стране Советов не должно быть извращений ленинской национальной политики, особенно в области национальных языков. Писатель Б. И. Олейник говорил, что «не стоит искать виноватых по регионам. Ведь беда универсальна. Национальные языки как-то постепенно уходят из делопроизводства, из государственного и партийного обихода».

На конференции речь шла также о необходимости интернационализации экономики советского общества. Но такую политику следует осуществлять не только в урбанизированных центрах. Она должна распространяться повсеместно и в сельской местности. Разве правильно, что 80% коренных жителей нашей республики проживают в сельской местности? Вся европейская миграция сконцентрирована в городах. В результате доля рабочего класса из коренных жителей в индустрии республики составляет всего 20% общего числа рабочего класса. Это совершенно недопустимо! Политика миграции должна быть направлена теперь на сельскую местность, чтобы рядом с местными хлопкоробами трудились представители русской национальности, чтобы они жили в соседстве с узбекскими семьями. Школы в сельских местностях и городах должны быть смешанными. Пусть в одной школе будут и узбекская, и русская группы. Подобный подход, на мой взгляд, будет способствовать улучшению межнациональных отношений и интернационального воспитания масс.

Академик Е. М. Примаков правильно говорил о создании интернациональных структур нашего общества, охватывающих все стороны жизни. Теперь нужно делать упор на горизонтальную расстановку кадров по всей стране. Я считаю, что и в состав Политбюро ЦК КПСС должны входить представители всех национальных республик. В каждой республике найдутся достойные и подготовленные кадры. Это вполне отвечает политике перестройки и ее демократическим принципам.

Первый секретарь ЦК Компартии Латвии Б. К. Пуго свое выступление полностью посвятил национальному вопросу, опираясь на факты

своей республики. В частности, он говорил, что процессы роста национального самосознания проходят в республиках неоднозначно. Жителей Латвии беспокоят непомерно большой приток рабочей силы из других регионов, серьезное осложнение экономической ситуации. Союзные министерства, Госплан принимают решения бюрократическо-нажимным методом, не считаясь с мнением на местах. Надо экономически заинтересовывать республики в развитии той или иной отрасли, а не навязывать им свою волю «сверху». Разве это по-хозяйски, когда союзное министерство, например, требует развивать в Латвии прядильное и ткацкое производство на базе сырья, завозимого из далекого Среднеазиатского региона? Надо на деле обеспечить подлинный конституционный суверенитет каждой республики, расширять их самостоятельность, права местных органов Советской власти в развитии экономической, социальной сферы, культуры.

На конференции широко поднимались и экологические вопросы. Председатель Госкомитета по охране природы Ф. Т. Моргун с тревогой говорил о том, что ежегодно в атмосферу выбрасывается 64 млн. т вредных веществ промышленностью и еще больше — автомобилями. В 1987 г. народное хозяйство страны использовало 400 км³ воды, что составляет почти два годовых стока Волги или 8 годовых стоков Днепра. Почти повсеместно ухудшается качество вод, особенно в реках Западной Сибири, где концентрация нефтепродуктов в 20 раз больше допустимой нормы. Резко ухудшилось качество вод Сырдарьи и Амударьи, в низовьях которых весьма высока засоленность вод, что губительно действует на здоровье людей. Арал стал зоной экологического бедствия. Здесь крайне осложнились условия проживания и жизнедеятельности почти миллионного населения, о чем с болью говорили Р. Н. Нишанов, Е. И. Чазов и др.

Основные загрязнители воздуха, почвы и вод — предприятия Минэнерго, Минхимпрома, Минудобрений, Минчермета, Минцветмета, Миннефтепрома, Госагропрома. Именно они способствуют снижению естественного плодородия земель, сокращению гумуса в почве, неудовлетворительному состоянию садов, парков, лесов.

Мне, как историку, особо хочется отметить огромную значимость бережного отношения к ценнейшему культурному наследию наших народов, коренного улучшения дела охраны, реставрации и пропаганды исторических памятников прошлого, которыми столь богата древняя земля Узбекистана и других среднеазиатских республик Союза.

Горячие споры на конференции вызвало выступление академика Л. И. Абалкина, выдвинувшего на первый план в политике перестройки проблемы народного хозяйства. Основываясь на данных Госкомстата СССР, он доказывал, что в области экономики страна еще не вышла из застойного состояния, и подчеркнул, что плановые органы и министерства должны руководить экономикой страны в строгом соответствии с экономическими законами социализма.

Как видим, эти проблемы требуют глубоких научных исследований, четкого определения конкретных путей, средств и способов их решения. И в это дело достойный вклад призваны внести деятели советской науки, в том числе ученые Узбекистана, прежде всего наши обществоведы, которые должны в максимально короткие сроки на деле перестроить всю свою работу и сконцентрировать максимум усилий на решении актуальных проблем перестройки в конкретных условиях Узбекской ССР.

Решения партии -- в жизнь!

М. ИСКАНДЕРОВ

**ЗА ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА КПСС, ЗА ЧИСТЫЙ
И ЧЕСТНЫЙ ОБЛИК ПАРТИЙЦА**

XXVII съезд КПСС подчеркнул, что чем последовательнее мы включаем огромный творческий потенциал партии в дело ускорения развития советского общества, тем острее становится глубокая обоснованность указания апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС о необходимости повышения инициативы и ответственности кадров, о важности неустанной борьбы за чистый и честный облик партийца.

XIX Всесоюзная конференция КПСС подтвердила, что именно ленинская партия коммунистов способна возглавить движение миллионов, народный поток за обновление, самоочищение общества. Именно ленинская партия коммунистов через бескомпромиссный анализ допущенных в прошлом ошибок и наших достижений, осмысливая прошлое и грядущее, выдвинула мужественную идею перестройки, предложила программу революционных преобразований, совершенствования социализма в его ленинском понимании.

Большое внимание на конференции было уделено вопросам формирования нового пополнения партийных рядов. В решениях конференции отмечается, что основным критерием при оценке качеств вступающего в партию должны быть его политическая позиция, реальное участие в перестройке, отношение к делу, моральный облик.

В свете этих установок партии надо постоянно помнить указание В. И. Ленина, что партия — это люди, и они должны быть самоотверженными, убежденными и честными. Создавая партию нового типа, В. И. Ленин настаивал, чтобы понятие членства в партии было точно определено. Он подчеркивал, что определение членства в партии «тем труднее, чем легкомысленнее иногда понимают это членство, чем чаще прибегают к демагогии, к фиктивному зачислению в партию незнательных»¹.

Наша партия твердо придерживается ленинских положений при отборе нового пополнения. Она стремится принимать в свои ряды только тех, кто идет в партию не ради получения каких-либо выгод, а во имя самоотверженной работы, активного участия в строительстве коммунизма.

Приверженность делу партии, способность быть истинным борцом за интересы трудящихся в современных условиях проявляются в том, насколько активно человек участвует в коммунистическом строительстве, своим трудом, своими делами способствует ускорению социально-экономического развития страны. В наше время важнейшим критерием партийности, возможности быть принятым и состоять в КПСС становятся отношение человека к перестройке, гласности, критике и самокритике, демократизации всех сфер жизни общества, коренной экономической реформе и практическое участие в их осуществлении.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 164.

Возрастающая роль КПСС в жизни советского общества, ее громадный авторитет в народе усиливают стремление советских людей идейно и организационно связать свою жизнь с партией, вступить в ее ряды. В этих условиях особенно важно, чтобы партийные организации при отборе в партию проявляли высокую требовательность и ответственность, всегда помнили, что борьба за чистоту партийных рядов — это борьба за высокое звание коммуниста, за повышение роли партии в коммунистическом строительстве, усиление доверия к ней в народе.

Советские люди воспринимают осуществляемую ныне в соответствии с решениями XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партийной конференции, Пленумов ЦК КПСС перестройку как продолжение в новых исторических условиях великого дела Октября. Современный политический курс КПСС, начало которому положил апрельский (1985) Пленум ЦК, нацелен на ускорение социально-экономического развития страны, коренное обновление всех сторон общественной жизни. Залогом успешного решения вставших перед советским обществом задач, достижения программных целей являются непрерывное развитие и укрепление партии, нерушимая сплоченность ее рядов, возрастание ее руководящей и направляющей роли.

В Резолюции XXVII съезда партии по Политическому докладу ЦК КПСС говорится: «Залогом успешного решения поставленных задач, достижения наших программных целей является непрерывное развитие и самосовершенствование партии, нерушимая сплоченность ее рядов, неустанная борьба за чистый и честный облик партийца»².

Однако не все, кто является членами партии, отвечают высокому званию коммуниста. В Политическом докладе ЦК КПСС съезду отмечалось, что партия несет немалые издержки из-за того, что некоторые коммунисты ведут себя недостойно, совершают порочащие их поступки.

Об этом же говорится в известном постановлении ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе Ташкентской областной парторганизации по приему в партию и укреплению партийных рядов», принятом в 1987 г. В постановлении отмечается, что «парторганизации засорили свой состав недостаточно выдержанными, неустойчивыми, а то и чужеродными элементами. Наряду с честными, глубоко преданными делу партии коммунистами, коих большинство, в них оказалось немало людей, зараженных частнособственнической психологией, подверженных карьеризму, падких на лесть и подношения, пьянство».

Вот почему столь актуальны сейчас вопросы повышения авангардной роли коммунистов, борьбы за честный и чистый облик партийца. В силу этого встает задача постоянной заботы не только об укреплении авангардной роли коммунистов, но и об очищении партии от случайных элементов, проникающих в ее ряды с карьеристскими целями.

В. И. Ленин писал: «Показных членов партии нам не надо и даром. Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от «примазавшихся»... Не для рекламы, а для серьезной работы нужны нам новые члены партии»³.

Опираясь на ленинские идеи, XXVII съезд КПСС подчеркнул необходимость усиления инициативы и ответственности коммунистов как важнейший фактор дальнейшего возрастания руководящей роли КПСС в современных условиях. В новой редакции Программы КПСС записано:

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 115.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 224—225.

«Принадлежность к партии не дает никаких привилегий, а означает лишь более высокую ответственность за все, что делается в стране, за судьбы коммунистического строительства, общественного прогресса. Каждый коммунист обязан быть образцом в труде и в поведении, в общественной и личной жизни»⁴.

Авторитет настоящего коммуниста-ленинца человек зарабатывает своим трудом, самоотверженной борьбой за интересы народа, беззаветной преданностью идеям коммунизма. М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС говорил: «На нас, коммунистов, смотрят как на пример во всем — в работе и поведении. Надо жить и работать так, чтобы трудящийся человек мог сказать: «Да, это настоящий коммунист»⁵.

Борьба за чистый и честный облик коммуниста начинается с заботы о качественном пополнении партии, с отбора в нее наиболее сознательных, активных и преданных делу коммунизма советских людей.

В Уставе КПСС особо выделено требование «строго соблюдать нормы коммунистической морали, утверждать присущий социализму принцип социальной справедливости, ставить общественные интересы выше личных, проявлять скромность и порядочность, чуткость и внимание к людям, своевременно откликаться на запросы и нужды трудящихся, быть правдивым и честным перед партией и народом...»⁶

Важно отметить, что от деловых качеств, политического и морального облика коммуниста-руководителя в значительной степени зависит морально-политическая обстановка в партийной организации, трудовом коллективе. С фигурой руководителя, прежде всего партийного, люди связывают все плюсы и минусы реальной жизни. Спрос к нашим кадрам усилился с апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС и особенно после XXVII съезда партии и январского (1987) Пленума ЦК КПСС.

Таким образом, чистый и честный облик коммуниста складывается из целого комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных качеств, которые наиболее полно воплощены в требованиях Устава КПСС. Этот комплекс включает: высокую марксистско-ленинскую убежденность и беспредельную преданность делу коммунизма; инициативу, политическую и трудовую активность; партийную принципиальность и моральную чистоту, скромность, совесть, честность; непримиримость в борьбе с негативными явлениями и смелость в постановке назревших вопросов; партийное товарищество и взыскательность к самому себе; умение быть вожаком в реализации политики КПСС, страстным большевистским словом и личным примером увлекать, организовывать и вести массы за собой.

Эти высокие качества воспитываются и формируются в партийной работе, в ходе практической борьбы за перестройку, за претворение в жизнь исторических решений XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции.

Партия всегда придавала и придает огромное значение нравственному облику коммуниста. И это вновь подтвердил январский (1987) Пленум ЦК КПСС, подчеркнувший, что наши кадры должны являть собой образец идейной стойкости, честности, порядочности, скромности, нетерпимости к любым отклонениям от норм социалистической морали.

Если с этих позиций оценить нравственный облик многих бывших руководителей республики: Ш. Рашидова, Н. Худайбердыева, Т. Н. Осетрова, М. М. Мусаханова, Е. Айтмуратова, Р. Х. Абдуллаевой, Г. М. Орлова, бывших первых секретарей обкомов партии — А. Каримова (Бухара), А. Каримова (Сурхандарья), Р. Гаипова, Т. Турапова

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 185.

⁵ Там же. С. 78—79.

⁶ Там же. С. 190.

(Кашкадарья), М. Худайбергенова (Хорезм); К. Камалова (ККАССР), В. П. Есина (Навои) и других, то очевидно, что их никак нельзя назвать ни честными, ни чистыми.

Об их антисоциалистических, преступных действиях и поступках говорится в документах XXVII съезда партии, XXI съезда Компартии Узбекистана, Пленумов ЦК, публикациях в печати.

Вот уже 4 года ЦК Компартии Узбекистана под руководством и при помощи ЦК КПСС ведет активную борьбу против всего застойного, негативного, получившего широкое распространение в республике. Начало этой решительной борьбе положил XVI пленум ЦК КПУз, в работе которого принял участие и с мобилизующей речью выступил секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев.

Сегодня еще раз с глубоким сожалением приходится отметить, что моральное разложение, нравственное падение бывших руководящих работников с партийными билетами, взятки, приписки, хищения народного добра в крупных размерах пустили настолько глубокие корни, что нам предстоит долгая, настойчивая и решительная борьба против всего этого зла, недостойного, противоречащего нашей советской действительности, советскому образу жизни.

По вине Ш. Р. Рашидова, возглавлявшего долгие годы партийную организацию Узбекистана, в республике совершались грубейшие нарушения социалистической законности и норм внутривнутрипартийной жизни. Все это способствовало разложению и перерождению определенной части кадров.

В обстановке самовосхваления, надуманных победных рапортов, лести и угодничества попирались и игнорировались ленинские нормы партийной жизни. Отсутствовал контроль за выполнением директив партии и собственных решений. Грубо нарушался важнейший основополагающий принцип коллегиальности руководства. Сложился культ личности первого должностного лица республики, принижалась роль членов выборных партийных органов, отсутствовали партийные принципиальность и требовательность, принимались субъективные, необоснованные решения, не отражавшие действительного положения дел. Наносился огромный вред интересам партии и государства, насущным нуждам трудящихся. Все это нашло отражение в понятии «рашидовщина». Она как антисоциальное явление, возникшее в условиях деформации и отхода от ленинских принципов хозяйствования, демократизма советского общества, гласности, что достигло своего пика в застойные годы, есть грубейшее нарушение социалистической законности, норм и принципов партийной жизни, подбора и расстановки кадров, антипод советской действительности, социалистического образа жизни.

Самое наихудшее проявление рашидовщины — двуличие, полный разрыв между словом и делом, теорией и практикой, когда под революционной фразой, мобилизующими лозунгами совершались гнусные дела, не совместимые с высоким званием коммуниста-руководителя.

Важно отметить, что рашидовщина — явление не местное, региональное. Она, равно как кунаевщина, медуновщина, щелоковщина, чурбановщина, есть прежде всего порождение брежневщины, когда усилиями ряда разложившихся руководящих кадров партийных, советских, правоохранительных органов и хозяйственных руководителей коррупция, очковитительство, обман, взяточничество, протекционизм, семейственность, эрозия самих устоев государственности стали проникать во все поры жизнедеятельности нашего общества, а политические институты власти не могли обеспечить законность и охрану прав граждан в стране.

Уроки застойного периода учат, что нравственное падение и деградация бывших руководителей появились не вдруг, они накаплива-

лись годами, в условиях административно-командной системы управления, ограничения демократии, отстранения трудящихся от участия в делах общества, грубого искажения ленинских норм партийной жизни, выведения из зоны критики целых регионов страны. Как уже неоднократно заявляли старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Т. Гдлян, следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Н. Иванов, С. Джураев, система взяточничества и коррупции, которая выявлена и выявляется также в Казахстане, Таджикистане, Туркмени, Закавказских республиках, Молдавии, в Краснодарском крае, на Украине и в Москве, является не региональной, а межрегиональной.

В самом деле, кто как не Брежнев, Рашидов, Кунаев, Медунов, Щелоков, Бодюл, Усубалиев и еще целая плеяда таких полностью скомпрометировавших себя в глазах народа лиц, довели страну до предкризисного состояния? Это они нанесли серьезный урон политическим, экономическим, идеологическим и нравственным интересам нашей страны.

О глубине и серьезности сложившейся обстановки в Узбекистане, например, говорит тот факт, что даже немало участников XVI пленума ЦК Компартии республики, в том числе 4 секретаря ЦК, арестованы и привлекаются к судебной ответственности.

В связи с этим хотелось бы подробнее остановиться на волюнтаристских, диктаторских, не присущих нашей морали, негодных методах и стиле работы бывшего секретаря ЦК КП Узбекистана Р. Х. Абдуллаевой и ее окружения, тем более, что о ней мало что знает наш партийный актив.

Как известно, за серьезные недостатки в работе, злоупотребления служебным положением и другие непартийные проступки она освобождена от занимаемой должности и сейчас находится под следствием.

И сегодня еще раз правомерно спросить, почему на протяжении столь длительного времени обстановка на идеологическом фронте республики остается сложной, недостатки и промахи в этой области очень медленно изживаются? Имеется в виду прежде всего неудовлетворительное состояние интернационального воспитания, атеистической пропаганды, борьбы против тлетворного влияния враждебной буржуазной пропаганды, а также реформ высшей школы и народного образования и других весьма актуальных проблем идеологической, политико-воспитательной работы.

В ЦК КП Узбекистана и на местах проводилось много различных идеологических мероприятий, составлялись так называемые комплексные планы воспитания по различным направлениям, причем все они объявлялись впервые применяемыми, новыми, тогда как эти формы и средства идеологического воздействия имели место и до вступления Р. Х. Абдуллаевой в должность секретаря ЦК по идеологии. Просто она в силу своей ограниченности, узости мышления, некомпетентности не знала этих форм и средств воспитания, которые давно уже применялись и оправдали себя на практике. Воспитательную, идеологическую работу она примитивно представляла так: мужчины не должны носить чапан, одевать на голову доппи; женщина не должна заплетать косички, носить длинные штаны; навруз надо переименовать в навбахор и т. д. Вот ее понимание традиций, обычаев народа.

За три года работы секретарем ЦК Р. Х. Абдуллаева, грубо нарушая ленинские принципы подбора и расстановки кадров, сменила всех заведующих идеологическими отделами ЦК, всех руководителей идеологических министерств и ведомств, творческих союзов. Пользуясь беспрекословной поддержкой бывшего второго секретаря ЦК, ныне арестованного Т. Н. Осетрова, она развернула весьма бурную

деятельность по выдвижению на ответственные участки работы своих близких, лично преданных ей людей, знакомых, земляков, многие из которых очень слабо подготовлены, некомпетентны и потому неспособны обеспечить квалифицированное руководство доверенными участками работы.

Волонтаристские, диктаторские методы работы, голое администрирование, игнорирование мнения других, жестокое преследование неугодных людей, пренебрежительное отношение к истории народа, его традициям, охаивание его прошлого и настоящего, представление чуть ли ни всех узбеков религиозными фанатиками, националистами, стремление показать себя поборником правды и справедливости и тем самым еще более возвыситься в своей служебной карьере — вот что было характерно для «деятельности» Р. Х. Абдуллаевой, вот что двигало ею в антинародных, аморальных действиях.

Очевидно, ей должности секретаря ЦК КП Узбекистана было мало, она стремилась к первой роли в республике и ради достижения своих корыстных целей не брезговала ничем.

Ее отрицательные качества как хапуги, дележки, ставившей свои личные интересы выше общественных, выражались и в том, что она, стремясь в то бы то ни стало защитить докторскую диссертацию, поступалась своей совестью, попирала партийную этику, раздавала звания, должности, ордена тем, кто ей оказывал услуги. Появившиеся у нее советчики, помощники, в свою очередь, утверждали, писали в ЦК КПСС, что Р. Х. Абдуллаева — «выдающаяся личность», что ее имя должно стоять рядом с именами таких видных партийных деятелей Узбекистана, как А. Икрамов, У. Юсупов, Н. Мухитдинов. Так она думала о себе, а ее окружение настойчиво распространяло эту версию, возвеличивало эту аморальную личность.

Став секретарем ЦК, Р. Х. Абдуллаева в первую очередь заботилась о своем благополучии, благополучии своих детей и родственников. Прежде всего она добилась выселения членов семьи участника Великой Отечественной войны генерала Каримова, что также является аморальным. Хотя они не просили о предоставлении им отдельных квартир и дружно жили в одном доме, тем не менее, ради удовлетворения ее алчных притязаний, им было предоставлено 5 отдельных квартир, несмотря на крайне тяжелое положение с жильем, когда десятки тысяч рабочих Ташкента, да и других семей годами стоят в очереди на получение жилья.

Оставив свою бывшую квартиру из 6 комнат и вселившись в каримовский особняк, Р. Х. Абдуллаева с присущим ей размахом и без помощи того же Т. Н. Осетрова развернула коренное переустройство этого дома, израсходовав около 19 тыс. руб. государственных средств.

А когда на IV пленуме ЦК Компартии Узбекистана Р. Х. Абдуллаеву обвинили в этих злоупотреблениях и нарушениях правил социалистического общежития, она самым бессовестным образом солгала, заявив, якобы дом она отремонтировала своими силами. В этой лжи — вся Абдуллаева.

Люди, которых Р. Х. Абдуллаева выдвигала, опекала, служили ей, как говорится, верой и правдой. Вот лишь несколько примеров. Известная статья в «Правде Востока» о так называемых «бывших» (декабрь 1985 г.) была написана В. Шаповаловым по поручению Р. Х. Абдуллаевой. Статья в основном содержала клевету в отношении академика А. Садыкова, писателя С. Азимова и др.

В конечном итоге оскорбленный этой клеветнической статьей академик А. Садыков, перенесший до того два инфаркта, тяжело заболел и в 1987 г. скончался. Это был крупный ученый, единственный в Сред-

ней Азии академик АН СССР, хорошо известный мировой научной общественности, удостоенный за выдающийся вклад в отечественную науку золотой медали им. Менделеева, которой награждаются через каждые 3—4 года один советский и один зарубежный ученый. За несколько дней до смерти А. Садыков был избран почетным членом Международного Союза чистой и прикладной химии.

С приходом в ЦК Компартии Узбекистана Р. Х. Абдуллаевой отдел культуры ЦК возглавила ее подруга, очень далекая от культуры и искусства Д. Мадикаримова. За период ее пребывания в этой должности произошел значительный разрыв между творческими работниками и отделом культуры, так что теперь приходится вернуть их былое доверие к ЦК, мобилизовать усилия писателей, деятелей искусств, других работников творческих союзов на решение актуальных, сложных задач перестройки, коммунистического воспитания трудящихся, особенно молодежи.

То же самое можно сказать и о других руководителях некоторых идеологических министерств и ведомств, которые до последнего времени занимали свои кресла с «благословения» Р. Х. Абдуллаевой, но думаю, что сказанного достаточно, чтобы представить подлинный облик Р. Х. Абдуллаевой и ее окружения, большой ущерб, нанесенный ими в сфере идеологической жизни республики.

Полагаю, что на место ушедших или уходящих руководителей должны прийти испытанные, грамотные, принципиальные, умеющие самостоятельно мыслить работники. Чем скорее будут укрепляться отмеченные участки идеологической сферы, тем быстрее будет обеспечен успех дела, тем оперативнее мы будем добиваться действенности партийно-политической работы, подчинив ее формированию у каждого коммуниста, труженика высокой идейной убежденности, морально-нравственных качеств, активной жизненной позиции.

В связи с развитием гласности, критики негативных явлений, тех преступлений, которые совершались в нашей республике в застойный период, нам, членам ЦК Компартии Узбекистана, коммунисты, работники прессы, рядовые труженики нередко задают острые вопросы.

Как могло случиться, что процветали такие крупные злоупотребления и преступления? Где были члены ЦК, партийный актив, почему не вскрывали эти преступления? Сегодня можно сказать, что у нас были такие коммунисты-руководители, которые смело выступали, высказывали свое несогласие с проводимой Ш. Рашидовым и его окружением линией. Так, в 60-х годах активно боролись против негативного стиля и методов работы Ш. Рашидова Р. Г. Гулямов — бывший первый секретарь Ташкентского обкома партии, член бюро ЦК, А. А. Алимов — бывший Председатель Совмина Узбекской ССР, Р. Е. Мельников — бывший второй секретарь ЦК КП Узбекистана, А. П. Бызов — председатель КГБ Узбекской ССР, академик М. Мухамеджанов — бывший зам. Председателя Совета Министров Узбекской ССР, чл.-кор. АН СССР Х. М. Абдуллаев — бывший президент АН УзССР и др.

В середине 60-х годов, когда уже ярко проявлялись отступления от ленинских норм партийной жизни, принципов партийного руководства, против всего этого решительно выступали: нынешний первый секретарь ЦК КП Узбекистана Р. Н. Нишанов, работавший в то время секретарем ЦК КП по идеологии, М. А. Абдуразаков, работавший сначала секретарем ЦК, затем первым секретарем Ташкентского обкома партии, К. М. Муртазаев, работавший первым секретарем Ташкентского горкома партии, затем первым секретарем Бухарского обкома партии, и другие. А в результате Р. Н. Нишанов на долгие годы оказался за пределами республики и даже страны, а М. Абдуразаков и К. Муртазаев скончались.

В 70-х годах против грубейших извращений линии партии, советских законов, попрания норм морали, грубейших нарушений принципов подбора и расстановки кадров, должностных злоупотреблений, приписок, очковтирательства и других преступлений непримиримо выступали Р. К. Курбанов — бывший Председатель Совмина Узбекской ССР, В. Н. Кадыров — бывший первый секретарь Самаркандского обкома КП Узбекистана (умер в возрасте 54 лет, в расцвете сил, при загадочных обстоятельствах), М. И. Ибрагимов — бывший первый секретарь Наманганского обкома партии, А. П. Петров — бывший второй секретарь того же обкома. И для них борьба закончилась тем, что они были смещены с занимаемых постов и затем подвергались всяческому гонениям.

Все, что мы начали после XVI пленума ЦК КП Узбекистана, — решительное освобождение от нечестных и не чистых на руку горе-руководителей с партийными билетами в карманах, приписчиков, очковтирателей, казнокрадов, обманывающих партию и государство, В. Н. Кадыров предпринимал еще в 1973—1974 гг.

В течение одного года в Самаркандской области за злоупотребления должностным положением, приписки и очковтирательство, нарушения ленинских норм и принципов партийной жизни были освобождены 6 первых секретарей райкомов и горкомов партии, много руководителей хозяйств, правоохранительных органов, работников торговли. Вот тогда и началась травля В. Н. Кадырова. Эту неблагоприятную, грязную работу Ш. Рашидов проводил через своих порученцев — Ю. Р. Курбанова, Г. М. Орлова, У. А. Атакулова, Т. У. Умарова и др. Ш. Рашидов, будучи в Самарканде, лично требовал от В. Н. Кадырова восстановления в должности двух проворовавшихся руководителей — директора совхоза и председателя колхоза.

Ш. Рашидов, его сподвижники и порученцы (Т. Н. Осетров, Ю. Р. Курбанов, Г. М. Орлов, Т. У. Умаров, У. А. Атакулов, Х. Х. Яхьяев и др.) беспощадно расправлялись со всеми, кто осмеливался выступать против них, а потому вести борьбу против устанавливаемых ими «порядков» было не только очень трудно, но и практически невозможно.

Например, М. И. Ибрагимов еще в 1974 г. направил в ЦК Компартии Узбекистана материал на 23 страницах о преступной деятельности группы руководителей Янгикурганского района, однако зав. отделом оргпартрabоты ЦК Г. М. Орлов и его первый заместитель У. Атакулов не дали хода этим материалам. М. И. Ибрагимов и А. П. Петров вторично написали по этому поводу в ЦК, но реакция была такой же. В очередной информации сообщалось о многочисленных фактах злоупотреблений, грубых нарушений социалистической законности со стороны работников административных органов, сращивании некоторых из них с преступными элементами.

В 1975 г. М. И. Ибрагимов и А. П. Петров сообщили в ЦК и потребовали привлечь к ответственности группу расхитителей государственных средств в сумме около 10 млн. руб. в системе торговли и потребкооперации, но ЦК не реагировал и на эти требования.

За три года работы М. И. Ибрагимова первым секретарем Наманганского обкома партии за приписки, очковтирательство, обман партии и государства были освобождены, исключены из партии, привлечены к уголовной ответственности ряд руководителей колхозов и совхозов. Однако на их защиту встали те же ближайшие люди Ш. Рашидова. При этом они обвиняли секретарей обкома в избиение кадров, злоупотреблении служебным положением и т. д.

Таких примеров можно привести очень много, но и этого достаточно, чтобы сделать вывод, в каких сложных условиях вели названные товарищи борьбу за устранение негативных явлений, но Ш. Рашидов и его окружение блокировали все их действия.

После разгрома основного костяка честных, стойких кадров группа Ш. Рашидова искала новые жертвы. Именно с этой целью была состряпана еще одна провокация — в сентябре 1983 г. было объявлено, что против Ш. Рашидова образовалась группа в составе М. Ибрагимова (ныне председателя Госкомспорта), У. Исамханова (бывшего председателя Госкомсельхозтехники), Х. Тена (председателя Госкомрыбхоза), полковника А. Ахмедходжаева (бывшего заместителя военкома республики) и автора этих строк.

Мы еще не все знаем о том, что связывало Ш. Рашидова с такой одиознейшей личностью, как А. Адиллов. Ведь о нем, его наглом вмешательстве в решение кадровых вопросов и других его незаконных действиях и злоупотреблениях руководители Наманганского обкома партии неоднократно информировали ЦК Компартии Узбекистана.

Сейчас известно, что после публикации интервью старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Б. Е. Свицерского раскрыты и преступления А. Адиллова, и тайна их «дружбы» с бывшим руководством республики и Центра.

И уже ясно, что «адиловщина» — это порождение «рашидовщины», что А. Адиллов, возмнивший себя вершителем судеб руководителей Наманганской области, да и всей республики, пользовался исключительной благосклонностью и поддержкой Ш. Рашидова, считая себя чуть ли ни новоиспеченным ханом. Ему действительно удалось сместить многих секретарей партийных комитетов, даже некоторых секретарей Наманганского обкома партии, и он нередко диктовал Ш. Рашидову, кого на какой пост следует назначить.

Сейчас из материалов партийных комитетов, следственных органов, публикаций печати раскрываются все новые данные о преступных деяниях, махинациях, злоупотреблениях служебным положением многих должностных лиц, хищениях народного добра в крупных размерах, причем нити ведут к верхушке партийной и государственной иерархии. И об этом крупный, серьезный разговор состоялся на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Очевидно, нам предстоит еще длительная, настойчивая борьба против всего этого недостойного, отвратительного зла, имевшего место в застойные годы.

И в этой борьбе нам, всем тем, кому дороги честь и достоинство нашего народа, нашей партийной организации, необходимо глубоко разобраться в случившемся, вскрыть корни, причины всего негативного, дать должную ему оценку, подвергать серьезной аналитической критике всех тех, кто имеет к этим уродливым явлениям прямое отношение, с тем, чтобы впредь никому не повадно было так поступать.

В этот ответственный период нам, ученым, писателям, работникам творческих организаций, надо найти свое место, вместе со своим народом, его авангардом, партийной организацией республики активно участвовать в революционных делах, осуществляемых под руководством партии во всех сферах жизни нашего государства.

Вместе с тем мы не имеем права, не должны отдавать на откуп всяким демагогам, псевдоученым, «окололитературным деятелям» и тому подобным безответственным элементам честь и достоинство нашего народа, его прошлое и настоящее, прекрасное будущее под знаменем интернационализма и ленинской дружбы народов, когда эти люди бросают тень на наш народ, употребляя такие оскорбительные термины, как некое «узбекское дело», «узбекская мафия», хотя мы не можем отрицать и того, что промахи, допущенные в результате несовершенства экономических отношений и бесхозяйственности, преступления, совершенные группой высокопоставленных руководителей, превратившихся в удельных властелинов, дали повод кое-кому для такого разговора.

Между перерожденцами и узбекским народом должна быть проложена четкая граница. Застойный период, период расцвета очковитерательства, коррупции, подхалимства, угодничества среди части руководящих работников — это не вина, а беда, которая выпала на долю нашего народа.

Миллионы узбеков и представителей других национальностей республики и в те трудные годы продолжали добросовестно выполнять свой гражданский долг, трудиться на благо нашего общества, следовать традициям старших поколений, активно участвовавших в установлении и укреплении Советской власти, строительстве новой жизни. В годы первых пятилеток трудом и энтузиазмом народов Узбекистана были созданы современная промышленность и высокомеханизированное сельское хозяйство. Страна добилась хлопковой независимости, был проложен Большой Ферганский канал, завершено строительство Фархадской ГЭС, велось освоение Голодной степи — это подвиг узбекского народа. В нашу победу в Великой Отечественной войне внес достойный вклад и узбекский народ. Несмотря на застойный период, нашему народу есть чем гордиться и в прошлом, и в настоящем. Говоря о прошлом, мы имеем в виду то, о чем справедливо сказал известный писатель и общественный деятель Ч. Айтматов: «То, что сделали узбекские труженики для страны, — это заслуживает земного поклона»⁷.

Народ, который дал миру многих выдающихся ученых, мыслителей, литераторов, народ, который с радостью встретил Великий Октябрь и с огромным энтузиазмом воплощает в жизнь его идеалы, народ, который сегодня в братской семье народов СССР самоотверженно трудится во имя процветания своей Родины, — этот народ не виновен, он ничего не имеет общего с любыми преступниками, отступниками, отщепенцами нашего общества, узурпировавшими власть в застойные годы.

Ведь адыловых, каримовых, гаиповых и им подобных у нас, как бы мы ни сгущали краски, — все же десятки, пусть сотни. А партийцев с чистым и честным обликом у нас сотни тысяч, а за ними — весь трудолюбивый, талантливый, преданный нашим коммунистическим идеалам народ Узбекистана.

Вот почему труженики республики в подавляющей своей массе с облегчением и одобрением восприняли разоблачение «рашидовщины», горячо поддержали курс партии на коренную перестройку всей нашей социально-экономической жизни, восстановление гласности и демократии.

Ныне, в условиях перестройки и ускорения, развития широкой демократии и гласности разворачивается всенародное движение за успешное претворение в жизнь исторических решений XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партийной конференции, Пленумов ЦК КПСС. И вместе со всеми народами СССР труженики Узбекистана: рабочие, колхозники, интеллигенция — под руководством партийной организации республики стремятся быстрее преодолеть все негативное, застойное, накопившееся в течение многих лет, своим честным, самоотверженным трудом умножить богатство и могущество нашей Родины, единого, многонационального Союза ССР.

⁷ Правда. 1988. 13 февр.

И. ИНОЯТОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХЛОПКОВОДСТВА В СССР И США

Период 60 — первой половины 70-х годов характеризовался бурным ростом производства хлопка-сырца в СССР. В 1960 г. валовой сбор его составил 4,29 млн. т, в 1965 г. — 5,66, в 1970 г. — 6,89, а в

1975 г.—7,86 млн. т, т. е. за 15 лет он увеличился более чем в 1,8 раза¹. Что и говорить, темпы роста высокие, впечатляющие. В конце 60 — начале 70-х годов наша страна достигла уровня производства хлопка в США, а в 1974—1976 гг. превзошла его более чем на 40%.

Такие результаты на фоне значительного отставания других участков сельскохозяйственного производства выглядели яркими победами. Правда, в тот период производство хлопка в США резко сокращалось в связи с быстрым расширением выпуска химического волокна, но главное, к чему приковывалось внимание советской общественности,— это неоспоримый факт — догнали, перегнали, да еще в сжатые сроки, и это рассматривалось как не только огромной важности экономическое, но и социальное достижение. Ведь это свершилось на полях бывших царских окраин, в районах, которые совсем недавно были экономически наиболее отсталыми!

Казалось, что успехи хлопководства в стране получат дальнейшее развитие. Но этого не произошло. И с позиций сегодняшнего дня очевидно, что и не могло произойти.

Ориентация на валовые показатели, достижение их по сути дела «любой ценой» привели к резкому расширению площадей под хлопковыми посевами. Если с 1940 по 1960 г. они возросли с 2,08 до 2,19 млн. га, или на 5%, то в 1975 г. они составили 2,92 млн. га, т. е. увеличились по сравнению с 1960 г. на 34%.

Таблица 1

Динамика роста производства хлопка-волокна в СССР в 1960—1975 гг.*

Показатели	1960 г.	1975 г.	Темпы прироста, % в год
Производство хлопкового волокна, тыс. т	1546	2649	3,7
Площадь посевов, тыс. га	2190	2924	2,0
Урожайность хлопкового волокна, ц/га	7,06	9,06	1,7

* Подсчитано по данным: Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 161, 206.

Расширение площадей сопровождалось ростом урожайности, прежде всего в связи с тем, что с 1958 г. хлопчатник стал выращиваться исключительно на орошаемых землях. С 1960 по 1975 г. урожайность хлопка-сырца возросла с 19,6 до 26,9 ц/га, или на 37%. Однако к этим данным надо подходить весьма осторожно. Во-первых, в конце 70-х годов в республиках Средней Азии, в первую очередь в Узбекистане, начинает раскручиваться маховик приписок и различного рода махинаций. В частности, фактические площади под хлопчатником занижались, а урожайность — завышалась. Во-вторых, данные о динамике урожайности хлопка-сырца далеко не всегда верно отражают изменения урожайности его в пересчете на волокно. Снижение выхода волокна, начавшееся с конца 70-х годов, привело к тому, что реальная продуктивность хлопковых полей росла гораздо медленнее, чем это фиксировали данные об урожайности хлопка-сырца. Расчеты показывают, что с 1960 по 1975 г. выход хлопкового волокна с 1 га вырос с 7,06 до 9,06 ц, или на 28%, тогда как урожайность хлопка-сырца, как уже отмечалось, — на 37%. Поэтому для того, чтобы правильно оценить направления развития производства хлопка, необходимо ис-

¹ Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 180

пользовать не валовые показатели, которыми все еще оперирует наша статистика, а данные о выходе волокна.

Сопоставление динамики посевных площадей и урожайности хлопкового волокна показывает, что, несмотря на полный перевод выращивания хлопчатника на орошаемый режим, темпы роста площадей посевов его с 1960 по 1975 г., особенно за счет освоения новых земель, опережали темпы роста урожайности (табл. 1).

За счет расширения посевов хлопчатника была обеспечена большая часть (около 55%) прироста производства волокна в рассматриваемый период. Видимо, роль этого фактора в увеличении производства была еще более весомой в связи с нарастающей практикой искусственного занижения посевных площадей. На самом деле, за счет экстенсивных факторов обеспечивалось не менее 60% всего прироста сборов волокна.

Таким образом, уже в 60-х годах был взят достаточно выраженный курс на экстенсивное развитие хлопководства в стране, который неминуемо должен был тяжело отозваться на экономической и социальной жизни республик Средней Азии, прежде Узбекистана, — главной хлопковой базы Советского Союза.

Дело в том, что уже сам по себе экстенсивный путь наращивания урожая сельскохозяйственных культур на определенном этапе вступает в противоречие с задачами концентрации производства в наиболее оптимальных для этого регионах, подрывает условия снижения производственных затрат, роста производительности труда, т. е. повышения эффективности производства в целом.

В отличие от других стран, в том числе США, в СССР имеют место наиболее сложные природно-климатические условия хлопководства. Наши хлопководческие районы относятся к самым северным в мире: они расположены между 37—44° с. ш. Это сопряжено с поздними весенними и ранними осенними заморозками и выпадением осадков, нередким понижением температуры в период вегетации хлопчатника. Как правило, безморозный период длится в северных районах хлопководства 192—209 дней, в центральных районах — 156—215, а в южных — 223—245 дней.

Между тем, хлопчатник — чрезвычайно теплолюбивое растение. Для его успешного развития и своевременного созревания требуется следующий биологический минимум температур: для скороспелых сортов хлопчатника — 1730°, среднеспелых — 1880°, тонковолокнистых — 2100—2200°С.

В хлопковом поясе страны сумма эффективных температур колеблется от 1900 до 3068°. Так, в низовьях Амударьи она составляет 1900—2306°, и здесь можно выращивать только скороспелые сорта хлопчатника. В долинах Кашкадарьи, Сурхандарьи и в Южной Туркмении суммы эффективных температур выше 10°С составляют 2291—3110°, и здесь можно выращивать теплолюбивые, особо ценные тонковолокнистые сорта хлопчатника.

Исключительно малы годовые суммы осадков, которые выпадают в основном в осенне-зимние месяцы и почти полностью отсутствуют в жаркий летний период. В основных районах хлопководства они составляют 109—247 мм, а в низовьях Амударьи — 79—90 мм. Лишь в отдельных частях горной территории, относящейся к районам богарного земледелия, годовая сумма осадков колеблется от 280 до 400 мм. Дефицит осадков сочетается с суховеями, средняя продолжительность которых, например, в Южной Туркмении составляет 30—66 дней, а в отдельные годы — более 100 дней. Значительное число дней с суховеями наблюдается в долинах Кашкадарьи, Сурхандарьи и в Юго-Западном Таджикистане.

Все это повышает затраты и степень риска в хлопководстве, которые неизбежно нарастают по мере расширения посевов хлопчатника. Сложные природно-климатические условия отрицательно сказываются и на качестве хлопкового сырья, ограничивают его сортимент.

В отличие от СССР, природно-климатические условия Юга США, т. е. огромной территории от Атлантического до Тихого океана, позволяют выращивать хлопчатник как на орошаемых, так и на неполивных землях.

В юго-восточных штатах (Северная и Южная Каролина, Теннесси и Алабама) сумма годовых осадков составляет 1250 мм, в штатах центрального Юга (Миссисипи, Миссури, Арканзас и Луизиана) — 1100 мм, на высоких равнинах Юга (Нью-Мексико, Аризона, Калифорния) — 250 мм, но при более мягком климате, чем в Средней Азии. В самых же южных районах хлопкосеяния сумма осадков достигает 2250 мм в год. Распределение осадков в течение года в большей части хлопководческого пояса почти одинаково. Максимум их приходится на июль и август.

Благоприятно сказывается на урожае и качестве продукции и то, что хлопковый пояс США отличается длинным безморозным периодом. В северных районах он колеблется от 180 до 200 дней, в южных — от 235 до 260 дней. При этом сумма эффективных температур там несколько выше, чем в хлопководческих районах СССР. Вообще в США среднегодовая температура составляет +20...+22°C.

Таблица 2

Основные показатели деятельности хлопководческих ферм в США, 1976 г.

Размеры хозяйств, га	Число хозяйств		Уборочная площадь посевов хлопчатника		Производство хлопка	
	ед.	%	тыс. га	%	тыс. т	%
0,4 — 9,9	8 643	16,0	45	0,9	20	0,9
10 — 40	15 943	29,6	356	6,7	147	6,3
41 — 200	22 525	41,9	2224	42,3	906	39,0
201 и более	6 703	12,5	2623	50,1	1252	53,8
Итого	53 819	100,0	5253	100,0	2325	100,0

Несмотря на гораздо более благоприятные природно-климатические условия, процессы концентрации производства хлопка в США идут весьма динамично. Они находят свое отражение как на региональном уровне, так и на уровне хозяйств. Все большую роль в хлопководстве США играют западные штаты (Калифорния, Аризона, Нью-Мексико). Ныне на них приходится 36% производства хлопка по сравнению с 18% в 1970 г. Доля же юго-восточных штатов (Виргиния, Северная и Южная Каролина, Джорджия, Флорида, Алабама) снизилась до 5% против 14,4% в 1965 г. На юго-западные штаты (Техас и Оклахома) в последние три года приходилась 1/3 производства хлопка, или столько же, сколько в 1965—1970 гг.

Сокращается и общее число хлопкопроизводящих коммерческих хозяйств. По данным сельскохозяйственной переписи, оно снизилось с 242 тыс. в 1969 г. до 90 тыс. в 1974 г. и 38 тыс. в 1982 г. При этом число хозяйств с суммой годовых продаж менее 20 тыс. долл. упало с 137 тыс. в 1964 г. до 16 тыс. в 1978 г., а с суммой более 20 тыс. долл. — возросло с 24 тыс. до 37 тыс. В 1978 г. на долю 12,5% фермерских хозяйств, имеющих плантации площадью 200 га и более, приходилось 50% посевов и 54% производства хлопка. В то же время на долю 16% мелких фермерских хозяйств (до 10 га) приходилось менее 1% посевов и производства хлопка (табл. 2). Средние размеры хлоп-

ководческих хозяйств увеличились до 96 га против 55 га в 1974 г. Наиболее крупные из них имеются в Калифорнии — 158 га, Аризоне — 176 и Техасе — 122 га.

Безусловно, процесс концентрации производится в условиях капитализма неизбежно сопровождается разорением мелких и средних фермеров. Обследование показало, например, что в 1985/86 г. 27% хлопководческих хозяйств США не могли погасить свои долги, достигшие 40% их капитала, а в то же время укрупнение ферм создает условия для роста эффективности производства, способствует широкому внедрению достижений научно-технического прогресса в хлопководстве.

Таблица 3

Удельный вес союзных республик в производстве хлопка, %*

Республика	1913 г.	1940 г.	1975 г.	1985 г.	1986 г.
Узбекская ССР	71,2	68,0	63,8	61,4	60,5
Казахская ССР	2,0	4,2	3,6	3,5	4,1
Азербайджанская ССР	9,6	6,7	5,7	9,0	9,5
Киргизская ССР	3,7	4,2	2,6	0,7	0,8
Таджикская ССР	4,3	7,6	10,6	11,6	11,2
Туркменская ССР	9,2	9,3	13,7	14,8	13,9
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Подсчитано по: Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 310; Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 210.

В нашей же стране, где неблагоприятные природные условия диктуют необходимость значительно большей концентрации производства в оптимальных для этого районах, возможности осуществления данного процесса практически полностью перекрыты ввиду расширения площадей под хлопчатником во всех выращивающих его республиках. Региональная структура производства по существу не изменилась по сравнению с 1940 г. и даже с 1913 г., а в последние 10—15 лет вообще приобрела застойные черты (табл. 3).

Таблица 4

Количество колхозов и совхозов, производящих хлопок-сырец

Республика	1976 г.			1986 г.		
	колхозы	совхозы	всего	колхозы	совхозы	всего
СССР	1733	780	2513	1632	512	2294
Узбекская ССР	860	242	1102	780	375	1155
Казахская ССР	24	31	55	24	34	58
Азербайджанская ССР	362	21	383	319	15	334
Киргизская ССР	36	12	48	30	8	38
Таджикская ССР	151	38	189	135	68	203
Туркменская ССР	284	11	295	326	42	368

Не сокращается и число хлопкосеющих хозяйств. С 1976 по 1986 г. оно увеличилось с 2149 до 2294, причем рост шел в большинстве республик, за исключением Азербайджана и Киргизии (табл. 4).

С вовлечением в хозяйственный оборот новых земель, как правило, экологически уязвимых, резко расширяются масштабы эрозии почв под хлопчатником. Например, в Узбекской ССР площадь смытых почв составляет 322 тыс. га. Площадь оврагов в одиннадцатой

пяtilетке увеличилась с 13,1 до 57,3 тыс. га. Всего в республике ныне около 1,5 млн. га посевов хлопчатника подвергаются различным видам эрозии, в том числе 500 тыс. га — в сильной степени. Однако агротехнические почвоохранные мероприятия до последнего времени осуществлялись в крайне незначительном объеме. Да они и не могли вестись в сколько-нибудь широких масштабах, в условиях непрекращающейся борьбы за валовые показатели, когда вся совокупность экономических и социально-политических мер на республиканском и районном уровнях была нацелена на наращивание производства хлопка-сырца, прежде всего за счет освоения новых земель.

Это также вело к тому, что подрывались и сводились практически на нет возможности освоения в сколько-нибудь ощутимых размерах научно обоснованных севооборотов. Эта далеко не новая проблема имеет особое значение для районов хлопкосеяния. Еще в 1920 г. в подписанном В. И. Лениным постановлении Совнаркома указывалось: «Ввести обязательный севооборот... во всех хлопковых районах». Отсутствие севооборотов не только полностью блокирует возможности внедрения интенсивных технологий, но и неизбежно ведет к истощению и заражению почв, нарушает экологическое и биологическое равновесие, особенно при выращивании хлопка.

Возник своего рода порочный круг: вступление хлопководства на путь экстенсивного развития неминуемо влекло за собой ухудшение агроэкологических условий производства, свертывало возможности его интенсификации, что, в свою очередь, подталкивало к дальнейшему расширению площадей, отказу от севооборотов во имя выполнения плановых и сверхплановых обязательств, щедро отмечавшихся в те годы чинами и наградами.

В результате удельный вес посевов хлопчатника в хлопковых хозяйствах Средней Азии приблизился к 80%, а в отдельных районах, особенно Ферганской долины, достиг 85—90%. Так что речь, собственно говоря, идет о монокультуре и приобретении многими хозяйствами Среднеазиатского региона характерных отрицательных черт хлопковых плантаций прошлого века в Северной Америке. В Узбекистане сейчас нет ни одного хозяйства, где был бы полностью освоен научно обоснованный севооборот, где люцерна, испытанная веками и незаменимая в деле повышения плодородия почвы, занимала бы 30% пашни и более. В отдельных хозяйствах Ферганской долины посевы люцерны занимают лишь от 2 до 7% всех посевных площадей. Иногда применяемые там укороченные хлопково-зерновые севообороты не только не способствуют повышению плодородия почвы, но приводят к ее истощению, а также распространению болезней и сельхозвредителей.

Между тем известно, что за счет корней и запахиваемых пожнивных остатков люцерны после двух-трехлетнего ее стояния содержание азота в почве увеличивается до 400 кг/га. С учетом ежегодно отмирающих и минерализующихся клубеньков, мелких и частично крупных корней, люцерна при хорошем уходе за ней за 2—3 года накапливает в слое почвы 0—40 см до 600—800 кг азота на 1 га. Под влиянием люцерны и других трав в севообороте улучшаются физические свойства почвы. Вследствие повышения прочности ее структуры уменьшается объемный вес и улучшается водопроницаемость. Велика роль люцерны и в рассолении земель в связи с тем, что люцерна в период произрастания расходует большое количество воды с нижних горизонтов.

Вместе с тем люцерна служит лучшим биологическим средством борьбы с сорняками и болезнями растений, особенно с вилтом хлопчатника. Положительное влияние ее заключается в том, что возбудители вилта не развиваются на корнях люцерны и, не находя нужного суб-

страта, в значительной мере погибают. С другой стороны, развитие вертициллизма — возбудителя вилта, являющегося аэробом, вследствие уплотненного состояния почвы под люцерной и недостатка кислорода значительно подавляется.

Резкое уменьшение площадей под люцерной и другими кормовыми культурами привело также к снижению производства продуктов животноводства. Душевое потребление их в республике составляет 29 кг мяса против 64,1 в среднем по СССР и 186 кг молока против 341 по СССР, в том числе за счет собственных ресурсов — 21 и 137 кг соответственно. Надо отметить также уменьшение площадей под садами, виноградниками и овощными культурами.

На полях республики получили широкое распространение вредители и болезни, особенно вилт хлопчатника, охвативший почти 40% посевов. Вспышка вилтового заболевания за последние годы почти на 20% снизила валовой сбор хлопчатника. Всего за 1981—1986 гг. хлопкосеющие хозяйства страны из-за отсутствия севооборотов недополучили более 6 млн. т хлопка-сырца стоимостью около 5 млрд. руб., более 40 млн. т сена люцерны и других кормов, а также значительное количество продукции животноводства.

В связи с широким распространением вилта приходится высевать более устойчивые к этому заболеванию селекционные сорта хлопчатника (С-4880, Андижан-60), которые удовлетворяют хозяйства по урожайности, но не отвечают требованиям текстильной промышленности по качеству волокна. Иными словами, ухудшаются и количественные, и качественные показатели производства.

Хлопковая монокультура и снижение плодородия почвы затягивают сроки созревания хлопчатника, что серьезно осложняет его уборку и ухудшает качество. Более того, ввиду сбора большого количества некондиционного хлопка в поздние месяцы, в общем объеме заготовок повысился удельный вес низкосортного хлопка, а в результате снизились выход и качество волокна, увеличились убытки хозяйств. Вместе с тем сдерживается проведение осенне-зимних работ под урожаем следующего года.

В США вопросу севооборотов уделяется большое внимание. Руководствуясь рекомендациями научно-исследовательских учреждений, американские фермеры практикуют чередование культур с учетом особенностей различных зон хлопкосеяния. В хлопковом комплексе производят посевы зерновых колосовых, кукурузы, сорго, сои, а в ворошаемой зоне, наряду с указанными культурами, возделывается на больших площадях люцерна.

Во многих крупных фермерских хозяйствах хлопководство в структуре посевных площадей составляет 25—35%. Строго соблюдается следующее чередование: летний пар, озимый ячмень или пшеница, год-два — кукуруза или сорго, два-три года — люцерна, один-два года — хлопчатник. В мелких фермерских хозяйствах удельный вес хлопчатника в структуре посевных площадей достигает 50—60%. В этих хозяйствах преобладают хлопково-люцерновые севообороты со схемой: 3—4 года — хлопчатник, 2—3 года — люцерна. При этом в основной массе ферм посевы люцерны содержатся в отличном состоянии. Фермеры получают высокие урожаи люцерны и обеспечивают повышение плодородия почв. Например, в Нью-Мексико проводят 7—8 укосов люцерны и получают до 250 ц/га сена — в 2—2,5 раза больше, чем в колхозах и совхозах наших хлопкосеющих республик.

Все это способствовало росту урожайности хлопчатника в США, тогда как в нашей стране после блистательных рапортов в первой половине 70-х годов о победах советских хлопкоробов, в том числе о том, что мы обогнали США и по производству, и по урожайности, со

второй половины 70-х годов картина становится диаметрально противоположной (табл. 5).

В 1986 г. выход хлопкового волокна с 1 га в СССР был ниже, чем в 1970 г. Если в 1975 г. урожайность волокна в СССР была почти на 80% выше, чем в США, то к середине 80-х годов наши показатели заметно сблизились. Причем, если в СССР хлопок выращивается исключительно в условиях орошаемого земледелия, то в США доля богарных земель под хлопчатником составляет около 1/3.

Таблица 5

Динамика выхода хлопка-волокна в СССР и США, ц/га

Годы	СССР	США	Урожайность в СССР к урожайности в США, %
1970	7,75	4,90	158
1975	9,06	5,08	178
1979—1981	8,81	5,58	158
1982	8,73	6,62	132
1983	8,11	5,69	143
1984	6,99	6,73	104
1985	7,96	7,06	113
1986	7,45	6,20	120

Чтобы компенсировать падение урожайности и обеспечить выполнение планов, площадь посевов хлопчатника в СССР расширяли почти ежегодно, что видно из следующих данных:

. 1970 г. 1975 г. 1980 г. 1981 г. 1982 г. 1983 г. 1984 г. 1985 г.

Посевная
площадь,
тыс. га

2740 2324 3150 3170 3190 3190 3350 3320

Фактически масштабы освоения новых земель, видимо, были еще большими. Так, в Узбекистане неучтенные посевы достигали 200 тыс. га, или около 10%. И даже в последнее время, несмотря на решительную борьбу с приписками, они все еще не изжиты. В 1987 г., например, было выявлено около 23 тыс. га, скрытых от учета в ряде районов Узбекистана². Как правило, неучитываемые площади осваиваются примитивными методами, быстро засоляются и надолго выпадают из оборота. Это еще более усугубляет агроэкологическую ситуацию в хлопкосеющих хозяйствах, подрывает природную основу производства хлопка.

Таким образом, с середины 70-х годов весь прирост производства хлопка в СССР (к тому же все более снижающийся) достигался исключительно за счет экстенсивных методов, повсеместное применение которых породило по существу затяжной кризис в хлопководстве. В этих условиях рассуждения о культуре земледелия, внедрении передовых агротехнических приемов, интенсивных технологий мало чего стоят. Многолетняя порочная практика экстенсификации сделала свое дело: хлопководство как отрасль загнано в тупик. Выход из него не может быть найден на пути «косметического» ремонта. Требуется глубокие качественные преобразования и прежде всего отказ от расширения площадей под хлопчатником, а в Узбекистане их даже следует сократить, снять противоречие между завышенными планами производства и возможностями их реализации.

Сейчас это противоречие отчасти снято. Планы производства хлопка для Узбекистана снижены, а посевных площадей — пересмотрены в сторону снижения. Сделаны первые важные шаги в нужном направлении. Открываются определенные возможности для перехода к ин-

² Правда Востока. 1987. 18 дек.

тенсивным методам производства, увязанным с задачей оздоровления агроэкологических условий производства.

Когда речь идет о современных интенсивных технологиях, то необходимо иметь в виду их комплексный характер. Они становятся эффективными лишь тогда, когда передовые методы производства применяются во взаимосвязи друг с другом, взаимосбалансированы и охватывают последовательно все стадии производства. На практике, однако, еще нередко применяется какой-либо один прием. Более того, отдельно взятые приемы интенсификации зачастую выдаются за «организацию производства по интенсивной технологии».

Сейчас, пожалуй, главная задача — повысить отдачу поливного гектара хлопчатника. Без должного, эффективного использования орошаемых земель, как верно подчеркнул М. С. Горбачев, не может быть обеспечена нормальная ситуация в республике³. А это прежде всего означает повсеместный переход к водосберегающим технологиям и восстановление экономического потенциала орошаемых земель, подверженных различным формам эрозии и засоления. Если эти задачи не будут решаться сегодня, то колоссальные средства, вложенные в развитие ирригации среднеазиатских республик, окажутся безвозвратно потерянными, буквально захороненными в землю, а пути широкомасштабному переходу на научно обоснованные, интенсивные технологии производства хлопка — перекрытыми, хотя возможность их осуществления вполне реальна, на что с новой силой указано в решениях XI пленума ЦК КПУз (август 1988 г.)⁴.

³ См.: Правда. 1988. 10 апр.

⁴ См.: Правда Востока. 1988. 26—27 авг.

Ш. Ф. ХАКИМОВ

О РОЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ В СВЕТЕ ЗАКОНА СССР О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ (ОБЪЕДИНЕНИИ)

Взятый XXVII съездом КПСС курс на ускорение социально-экономического развития страны предусматривает обеспечение всемерной интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, структурной перестройки экономики, внедрения эффективных форм управления, организации и стимулирования труда. «Успех любого дела, — подчеркнул М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — в решающей мере определяется тем, насколько активно и сознательно участвуют в нем массы. Убедить широкие слои трудящихся в правильности избранного пути, заинтересовать их морально и материально, перестроить психологию кадров — важнейшие условия ускорения нашего роста»¹.

Таким образом, реализация стратегической программы развития страны во многом зависит от активизации человеческого фактора, что, в свою очередь, предполагает повышение эффективности стимулов к труду.

На XXVII съезде КПСС поставлена задача решительно улучшить материальное стимулирование труда. При этом следует исходить из требований социальной справедливости. Принцип социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду» — должен строго соблюдаться по отношению ко всем элементам заработной платы.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 23—24.

Лишь так можно достигнуть необходимого роста производительности и качества труда каждого советского человека, на каком бы рабочем месте он ни трудился.

Значение социальной справедливости в стимулировании труда особенно возрастает в связи с переходом к новым методам хозяйствования. На поиск наиболее эффективных стимулов улучшения деятельности трудовых коллективов и труда отдельных работников был направлен ряд экономических экспериментов, проводившихся в одиннадцатой пятилетке. Оправдавшие себя практически методы хозяйствования стали нормой в двенадцатой пятилетке. С 1986 г. на новые методы хозяйствования переведены предприятия и организации, выпускающие половину всей промышленной продукции.

В докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС М. С. Горбачев сказал: «Для увеличения производства и повышения качества продукции, для быстреего насыщения рынка продуктами питания необходимо оздоровить обстановку в народном хозяйстве, создать более благоприятные условия для действия экономических рычагов и стимулов»².

Роль фондов экономического стимулирования в обеспечении всемерной интенсификации производства повысилась в условиях применения Закона СССР о государственном предприятии (объединении). Закон этот, как известно, принят на седьмой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 30 мая 1987 г.³ В соответствии с Законом, расширена самостоятельность предприятий и усилена их ответственность за результаты работы, что неразрывно связано с наделением трудовых коллективов дополнительными правами в области стимулирования труда. Новые стимулы должны способствовать росту эффективности производства, увеличению вклада каждого работника в выполнение плановых заданий и социалистических обязательств.

Хозрасчетный доход коллектива — источник производственного и социального развития предприятия, оплаты труда — находится в распоряжении предприятия, используется самостоятельно и изъятию не подлежит.

Из прибыли производятся расчеты с бюджетом и вышестоящим органом, выплачиваются проценты за кредит, а остаточная прибыль поступает в распоряжение трудового коллектива. Из нее по нормативам формируются фонды: развития производства, науки и техники; социального развития; материального поощрения или другие фонды аналогичного назначения.

Суть нормативного метода состоит в том, что размеры средств, оставляемых в распоряжении хозяйственных органов, определяются не в абсолютных суммах как при выделении средств из внешних (централизованных) источников, а на основе нормативов отчислений, устанавливающих зависимость последних от конечных результатов работы предприятий и объединения.

Согласно Закону СССР о государственном предприятии (объединении), нормативы носят долговременный и стабильный характер; они разрабатываются в составе контрольных цифр и доводятся до низовых звеньев заблаговременно, до начала составления пятилетнего плана; утвержденные в пятилетнем плане нормативы изменению и переподтверждению не подлежат.

Таким образом, заранее определяется объем ресурсов, которые могут быть получены предприятиями и объединениями с учетом результатов их деятельности по фондообразующим показателям.

В Законе СССР о государственном предприятии (объединении)

² Правда. 1988. 29 июня.

³ Закон СССР о государственном предприятии (объединении), М., 1988.

указано, что фонд развития производства, науки и техники предприятия использует на финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, обновление и расширение основных фондов на современной технической основе, прирост собственных оборотных средств, а также на другие цели производственного развития. Предприятие самостоятельно использует амортизационные отчисления, направляемые по установленному нормативу в фонд развития производства, науки и техники или другой фонд аналогичного назначения⁴.

Итак, наряду с нормативным методом образования фондов денежных средств в хозяйственную практику внедряется нормативный метод распределения прибыли, при котором размер всей оставляемой в распоряжении министерств, предприятий и объединений прибыли определяется по заранее установленному нормативу отчислений от прибыли в бюджет (как разница между общей суммой подлежащей распределению прибыли и суммой, вносимой в бюджет в соответствии с нормативом).

Следует отметить, что до последнего времени нормативы распределения прибыли не служили твердой основой формирования финансовой базы предприятий и объединений. Помимо причин, лежащих в области методологического расчета и установления распределительных нормативов и практики их применения, здесь играла роль и недостаточная последовательная реализация принципа нормативного распределения прибыли в законодательстве.

Ранее, при строгой регламентации направлений использования как плановой, так и сверхплановой прибыли, предприятия (объединения) в ряде случаев лишались возможности использовать полученную в результате успешной работы прибыль и она изымалась по итогам года в качестве излишков оборотных средств. Все это снижало стимулирующую роль нормативного метода распределения прибыли и не давало возможности рассматривать все финансовые ресурсы, поступающие на его основе в распоряжение предприятий и объединений, как формируемые по методу стимулирования.

Сейчас нормативный метод определения размеров отчисления вышестоящим органам и недопустимость каких-либо дополнительных изъятий и внутриотраслевого перераспределения прибыли (доходов) предприятий закреплены в Законе СССР о государственном предприятии (объединении) как общее правило для предприятий и объединений, работающих в новых условиях хозяйствования, а также переведенных на полный хозрасчет.

Для полного приведения в действие фондов экономического стимулирования Законом СССР о государственном предприятии (объединении) установлено, что материальные и денежные ресурсы (в том числе, с согласия трудового коллектива, — средства фондов экономического стимулирования) можно передавать другим предприятиям и организациям, выполняющим работы или услуги для данного предприятия⁵.

Предприятиям, работающим в новых условиях хозяйствования, разрешено также вместо фонда заработной платы и фонда материального поощрения образовывать фонд оплаты труда, который служит единым источником всех выплат работникам за результаты труда, что способствует росту эффективности производства, увеличению вклада каждого работника в выполнение планов и социалистических обязательств, сосредоточивая все внимание на конечных результатах хозяйственной деятельности.

---

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 11.

Укрепление связи фонда заработной платы и фонда материального поощрения с конечными результатами деятельности предприятия повышает роль важного принципа в оплате труда: заработная плата каждого рабочего, служащего начинает зависеть не просто от результатов его личного труда, но и от полезности его индивидуального труда для коллектива в целом, т. е. от величины трудового вклада работника в общие итоги хозяйственной деятельности предприятия. Фонд заработной платы и фонд материального поощрения, начисленные по достигнутым результатам, служат материальной базой для активизации человеческого фактора с помощью широкого применения прогрессивных форм и методов стимулирования труда. Совершенствование механизма формирования фондов способствует приданию нужного направления в использовании стимулов к труду.

Повышается и роль фонда социального развития. Законом СССР о государственном предприятии (объединении) предусмотрено, что данный фонд используется трудовым коллективом для укрепления материальной базы социально-культурной сферы, удовлетворения других социальных потребностей. Средства этого фонда должны стать для предприятий одним из основных источников финансирования строительства жилья, детских учреждений, пионерских лагерей, профилакториев, пансионатов. Предприятиям предоставляется право самостоятельно решать вопросы использования указанного фонда.

Закон о государственном предприятии (объединении) выступает, таким образом, фундаментом построения целостной системы управления производством на базе разработанной партией экономической стратегии, призванной способствовать перестройке и ускорению развития народного хозяйства страны.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ АФГАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Внешняя политика афро-азиатских стран в их предколониальный период сравнительно неплохо освещена в отечественной историографии. Однако история дипломатий этих стран, которая накануне потери ими независимости была полна драматизма, изучена крайне недостаточно.

Это наглядно видно на примере Афганистана. История афганской дипломатии сравнительно молода. Она зарождалась в начале XIX в. в сложной международной обстановке, когда в тиши правительственных кабинетов Лондона составлялись тайные планы окончательного превращения Индии в британскую колонию и дальнейшей колониальной экспансии в сторону Афганистана, среднеазиатских ханств и эмиратов.

Как известно, в начале XIX в. на территории современного Пенджаба сложилось сильное княжество сикхов во главе с Ранджит Сингхом. В состав его оказались насильственно включенными земли вокруг Пешавара, издавна заселенные афганцами (пуштунами).

Кабульский эмир Дост Мухаммед-хан всячески пытался вернуть Пешавар в состав Афганского государства. К этому периоду и относятся первые попытки Дост Мухаммед-хана установить непосредственные дипломатические контакты с Ранджит Сингхом. Именно афгано-сикхские отношения и пешаварская проблема предопределили направление и содержание внешней политики Дост Мухаммед-хана¹.

Пешаварская проблема определила также направление англо-афганских отношений². Между тем судьба Пешавара, как и самого Пенджаба, была решена. Советский исследователь истории Пенджаба и афгано-сикхских отношений Н. И. Семенова отмечает, что англичанам была выгодна афгано-сикхская распря, ибо это вело к ослаблению и Пенджаба, и Афганистана. Кроме того, Ост-Индская кампания предопределила сохранить Пешавар за Ранджит Сингхом, попавшим уже в некоторую зависимость от англичан³.

В этой сложной ситуации афганский эмир решил найти пути и средства для осуществления своих внешнеполитических планов. Пытаясь уладить афгано-сикхскую проблему мирным путем, он написал в 1834 г. письма английскому политическому агенту в Лудьяне Уэйду и генерал-губернатору Индии лорду Бентинку⁴, а в мае 1835 г. он обратился к лорду Окленду, сменившему Бентинка на посту генерал-губернатора⁵. Эмир предупреждал Окленда, что если английское правительство не уладит афгано-сикхский конфликт, то афганцы будут вынуждены искать другие средства.

Однако у англичан на этот счет была своя точка зрения. Об этом, в частности, свидетельствует официальное донесение Эллиса Пальмерстону в апреле 1836 г.: «Афганистан должен рассматриваться как граница нашей империи... ни одна европейская нация не может иметь с этой страной ни коммерческих, ни политических сношений»⁶. Поэтому в письме к Дост Мухаммед-хану от 22 августа 1836 г. Окленд оставил без ответа важный для эмира вопрос и свел все к торговым отношениям⁷. Дост Мухаммед понял, что ему не заручиться поддержкой Англии. Поэтому эмир решил установить контакт с Ираном и Россией.

Дост Мухаммед-хан написал шаху письмо, в котором предупреждал о серьезной опасности, грозившей Ирану, в случае захвата англичанами Афганистана⁸.

¹ Подробнее см.: Sethi R. R. The Lahore durbur (In the light of correspondence of sir C. M. Wade, 1823—1840). Simla, 1950. P. 178.

² См.: Семенова Н. И. Государство сикхов. М., 1958; Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана за независимость. М., 1960. С. 29.

³ Семенова Н. И. Указ. соч. С. 107.

⁴ Sinha N. K. Ranjit Singh. Calcutta, 1933. P. 81.

⁵ Correspondence relating to Afghanistan and the occupation of Karrak. L., 1839.

⁶ Correspondence relating to Persia and Afghanistan. L., 1839. P. 13.

⁷ Mohan Lal. Life of the Amir Dost Mohammad Khan of Kabul. L., 1846. P. 263.

⁸ Kaye J. W. History of the war in Afghanistan. Vol. I. L., 1857. P. 170—171.

Но и эта попытка оказалась тщетной, равно как и стремление установить дипломатические отношения с Россией. Могущественная Англия по своему усмотрению разгрызала афганскую карту. Именно вследствие этого афганскому народу были навязаны первая англо-афганская война (1838—1842 гг.) и марионеточный режим шаха Шуджи, ставленника британских властей.

В дальнейшем дипломатическая деятельность Дост Мухаммеда все более сужается и теряет свое значение, ибо он наталкивался на заведомо инспирированные англичанами политические интриги. Поэтому, ограничившись целью — «собрать» афганские земли, эмир пошел на сближение с британскими властями. В то же время международная обстановка и положение в Индии также побуждали британские правящие круги к соглашению с Дост Мухаммед-ханом. Британские власти в течение ряда лет поддерживали его деньгами и оружием. Способствуя завоевательным устремлениям эмира в отношении левобережья Аму-Дарьи, они вынашивали планы проникновения в среднеазиатские ханства⁹.

В изменении курса афганской дипломатии того периода свою роль сыграла и проблема Герата. Между тем отказ эмира от дальнейшей борьбы с Англией вызвал недовольство широких кругов афганского общества. Политика эмира способствовала заключению неравноправных англо-афганских договоров 1855 и 1857 гг., что крайне тяжело сказалось на дальнейшем развитии и характере англо-афганских отношений и политическом престиже Афганистана¹⁰.

По договору от 30 марта 1855 г. Дост Мухаммед-хан, в дополнение к статьям договора, от своего имени и имени своих преемников обязывался «быть другом друзей и врагом врагов» Ост-Индской компании, тогда как на британскую сторону подобного обязательства не возлагалось, что давало Англии немалые преимущества. Помимо этого, в ст.ст. 2 и 3 обе стороны обязались уважать целостность территории друг друга. Это означало, что афганский эмир официально признавал «права» Англии и на владение Пешаваром и другими населенными афганцами областями. В то же время именно это обстоятельство «позволило» афганскому эмиру в августе 1855 г. присоединить к своим владениям Кандагар.

В январе 1857 г. в Пешаваре был заключен второй англо-афганский договор¹¹. Он усилил преимущества Англии и поставил под британский контроль отношения Дост Мухаммед-хана с Ираном и его союзниками.

Можно сказать, что период, когда эмир Дост Мухаммед-хан стремился решать конфликтные вопросы мирным путем, представляет собой изначальный этап в истории афганской дипломатии. Не имея за плечами традиций и исторического опыта, она делала лишь первые, неуверенные шаги, а влияние внешних и внутренних факторов надолго предопределило ее бессилие.

Во второй половине XIX в., при эмире Шер Али-хане (1863—1878), начинается следующий этап развития афганской дипломатии. Ее направление также определялось влиянием внешнеполитических обстоятельств. Англия, завершив покорение Индии и потопив в крови восстание 1857 г., во всеоружии стояла на границах Афганистана. В 60-е годы XIX в. она первой из европейских держав становится на путь империалистического развития. К северу от Афганистана, в России, также происходили большие перемены: пореформенные явления вызвали изменения в общественно-социальной структуре и ускоренное развитие капитализма вширь. Это привело к соперничеству России и Англии на Востоке, что еще больше осложнило и без того неустойчивую, полную смут внутреннюю жизнь в Афганистане и его внешнюю политику.

В 1869 г. окончился очередной раунд борьбы за власть в Афганистане, в результате которого Шер Али-хан прочно утвердился на престоле. Вице-король Индии Лоуренс, убедившись в окончательной победе эмира, решил вступить с ним в дипломатические переговоры и пригласил его в индийский город Амбалу. Англичане хотели навязать новому эмиру очередной неравноправный договор, который мог бы усилить их влияние в Афганистане и позволить им держать своих агентов в крупных городах этой страны.

В этой связи Лоуренс выработал специальную программу действий, изложенную им в январе 1869 г. в письме к министру по делам Индии. Лоуренс, в частности, отмечал: «Я не согласен ни на какие обязательства, могущие наложить на нас какую-либо ответственность за поддержку его (эмира.— И. Ю.) авторитета. Я бы даже не гарантировал размеров ежегодной субсидии, а предложил бы давать ему

⁹ Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868 гг.). М., 1960. С. 53; Соколов А. Я. Английские происки в Афганистане в первой половине XIX века//Труды САГУ. Нов. сер.: История стран Востока. Вып. 68. Кн. 5. Ташкент, 1955. С. 47—71.

¹⁰ Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М., 1959. С. 37—46, 52—53; Ахмеджанов Г. А. Английская экспансия на Среднем Востоке и Гератский вопрос в 40—50 гг. XIX века//Труды САГУ. Нов. сер.: Исторические науки. Вып. 152. Кн. 33. Ташкент, 1960. С. 39—60.

¹¹ Бушев П. П. Указ. соч. С. 230—232.

определенную субсидию ежегодно, пока его поведение и отношение к нам не будет нас удовлетворять»¹².

Положение Шер Али-хана затруднялось не только сложными внутривосточными обстоятельствами, но и существованием соглашений 1855 и 1857 гг., которые обеспечивали политическое превосходство англичан. Они существенно тормозили инициативу афганцев, придавали афганской дипломатии «оборонческий» характер и оказали решающее влияние на самый ход переговоров в Амбале. Поэтому Афганистану, прежде чем завоевать право на равенство за столом переговоров, надо было добиться отмены указанных договоров. В этом смысле встреча в Амбале имеет определенное значение, ибо Афганистан впервые во внешнеполитических отношениях пытался официально обеспечить себе статус равноправного партнера¹³. Переговоры в Амбале вел Майо, сменивший Лоуренса на посту вице-короля. Майо был твердым последователем своего предшественника и в политике «мастерского бездействия». Поэтому афганцам не удалось заключить в Амбале юридический договор с британскими властями¹⁴. В то же время Англия продолжала игнорировать крайне важный для афганского эмира вопрос о престолонаследии. Она стремилась оставить этот вопрос открытым, что давало возможность шантажировать эмира различными претендентами на афганский престол.

Шер Али-хан категорически отказался выполнить основное требование англичан — допустить британских агентов на территорию Афганистана. По сути им надлежало контролировать внутреннюю и внешнюю политику Афганистана. Поэтому британские власти на переговорах с афганцами добивались размещения в важнейших городах Афганистана своих агентов с неограниченными правами. Шер Али-хан прервал переговоры и возвратился в Кабул¹⁵. Между тем в Лондоне, видимо, решили, что «нерешительность» действий Майо замедляла претворение планов британских правящих кругов. Поэтому Майо всячески подстрекал Шер Али-хана занять территории, принадлежавшие когда-то его отцу, Дост Мухаммед-хану¹⁶. Расширение афганских территорий на севере в общем-то входило в планы британских империалистов, поскольку они рассчитывали затем подчинить своему влиянию весь Афганистан, со всеми его новоприобретенными землями¹⁷.

В донесении директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову от 27 мая 1869 г. генерал-губернатор Туркестанского края К. П. Кауфман писал: «...Шер Али-хану необходимо рассуждать таким образом: ближайший сосед Афганистана Англия, стоит на границе во всеоружии силы и цивилизации. Лишиться ее поддержки значит потерять престол. В другом свете представляется деятельность у северных пределов Афганистана против русских... При неудачном столкновении с русскими афганцы не понесут существенных потерь, при удаче же они выигрывают очень много. Отсюда вытекает выгоднейшая для Шер Али-хана программа действий: опираясь пока на Англию, ему полезно стать во враждебные отношения к России и тем привлечь на свою сторону симпатии жителей Сыра и Аму. Затем, если бы эта попытка удалась, Шер Али-хану не может не улыбаться мысль об овладении Пенджабом, потерянным афганцами во время борьбы с англичанами... При свидании в Амбале едва ли можно было не коснуться вопроса об отношениях Афганистана с Россией и не обратить внимание Шер Али-хана на выгоды, которые он может приобрести, если станет в положение, желаемое Англией»¹⁸.

Это была вполне реальная оценка сложившейся политической ситуации. Непрекращавшийся дипломатический нажим британских властей, тяжелое внутреннее положение в Афганистане — все это заставляло эмира Шер Али метаться в поисках приемлемого решения заботивших его проблем. Однако дипломатические усилия Шер Али-хана все более сводились к отражению политических хитросплетений бри-

¹² Цит. по: Prasad Bisheshwar. The foundation of Indian foreign policy. Vol. I. Bombay, 1955. P. 35; Gopal S. British policy in India. 1858—1905. Cambridge, 1965. P. 46.

¹³ Риштия С. К. Афганистан в XIX веке. // Пер. с перс. М., 1958. С. 321—325.

¹⁴ Вице-король надавал эмиру целый ряд обещаний, имевших на самом деле второстепенное значение. Они были изложены в письме к эмиру от 31 марта 1869 г. Британские власти заверяли эмира в том, что укрепят его власть, расширят сеть торговых домов, будут способствовать насаждению благоприятной эмиру местной власти во всех провинциях Афганистана. Вместе с тем они обещали не вмешиваться во внутренние дела Афганистана и не посылать туда агентов английского происхождения (Мир Гулам Мухаммад Губар. Афганистан дар масир-и тарих. Кабул, 1967. С. 598; Chavda V. K. India, Britain, Russia: A Study on British opinion (1838—1848). Delhi, 1967. P. 183; Bilgrami A. H. Afghanistan and British India. New Delhi, 1972. P. 142).

¹⁵ Подробно см.: Мухаммед Юсуф Риязи. Қолдияти Риязи. Мешхед, 1906. С. 170.

¹⁶ Чавда. Указ. соч. С. 183.

¹⁷ Бабаходжаев М. А. Английская агрессивная политика в Афганистане и борьба афганского народа за независимость в 70-е годы XIX века // Независимый Афганистан. М., 1958. С. 220.

¹⁸ АВПР, фонд СПб., Гл. Арх. 1—9, д. 15, л. 4—6.

танских властей, хотя эмир упорно настаивал на юридическом оформлении англо-афганского оборонительного союза. Эти попытки отчетливо проявились и в переговорах в Симле в 1873 г. Они были вызваны успешными для Англии итогами англо-русских переговоров 1869—1873 гг., в которых индо-британские власти обеспечивали себе нейтралитет царской России в отношении Афганистана¹⁹. После этого англичане предприняли новое дипломатическое наступление на эту страну.

В начале 1873 г. Нортбрук, сменивший Майо на посту вице-короля Индии, обратился к Шер Али-хану с предложением допустить британских агентов в Кабул, Джелалабад или Кандагар. Нортбрук в то же время выразил желание лично встретиться с эмиром. Однако Шер Али-хан от встречи отказался и предложил послать на переговоры своего первого министра Сейид Нур Мухаммед-хана. То был один из первых афганских дипломатов в современном смысле слова. Он издавна был близок Шер Али-хану и выполнял многие его поручения. В 1863—1864 гг. он вел переговоры в Пенджабе с высшими британскими чиновниками, пытаясь склонить их к поддержке Шер Али-хана в его борьбе с претендентом на трон Азам-ханом. В 1867—1868 гг. Нур Мухаммед-хан находился с поручением эмира в Европе. Это была первая афганская миссия в Европу²⁰.

В июне 1873 г. Сейид Нур Мухаммед-хан встретился с вице-королем Индии. Основным пунктом обсуждения были вопросы, связанные с русско-английским соглашением по поводу северных границ Афганистана.

Нортбрук заявил афганскому представителю, что Россия признала Афганистан вне сферы своего влияния, а ответственность за нарушение границ афганским эмиром переложена на британское правительство. Именно поэтому, указывал Нортбрук, Англия готова взять на себя защиту целостности Афганистана, если эмир согласится с британскими предложениями относительно его внешней политики и воздержится от нарушения границ своих соседей.

Но афганцы уже хорошо знали, что так называемая «защита целостности» их страны на самом деле маскировала интересы самой Британской империи. Учитывая это, вице-король готов был дать афганскому эмиру некие определенные гарантии. Поэтому в перерыве между двумя встречами с афганским представителем, 30 июня 1873 г. он обратился к министру иностранных дел Аргайлю с просьбой позволить дать эмиру более определенные обещания о помощи²¹.

В инструкции вице-короля отмечалось, что и без всякого договора «полная безопасность Афганистана имеет настолько важное значение для Индии, что индийское правительство не может смотреть с безразличием на наступление на Афганистан». Указывалось, что «если эмир будет продолжать следовать нашим советам, то он мог бы в таком случае надеяться на материальную помощь от нас», при определенных обстоятельствах «мы считали бы возможным ...оказать ему такую помощь».

Первая встреча Нортбрука с Нур Мухаммед-ханом проходила именно в свете таких инструкций. Аргайль сомневался в необходимости уверения Шер Али-хана в британской помощи, опасаясь, что это может возбудить несвоевременные ожидания эмира, привести Англию к ненужным расходам, а также к вероятным осложнениям с Россией, которых британское правительство желало бы избежать²².

24 июля Нортбрук отправил Аргайлю депешу следующего содержания: «Кабульский эмир встревожен продвижением России, не удовлетворен общими обещаниями и обеспокоен тем, насколько твердо может полагаться на нашу помощь в случае вторжения. Я предлагаю заверить его, что если он будет безоговорочно действовать согласно нашим рекомендациям во всех отношениях, мы будем помогать ему деньгами, снаряжением и войсками...»²³ Ответ Аргайля Нортбруку гласил: «...Вам следовало бы сообщить эмиру, что мы не разделяем его тревогу, считая, что для этого нет оснований. Но надо заверить его, что мы будем проводить нашу политику в отношении Афганистана, если он во внешних делах будет придерживаться наших советов»²⁴. Это была программа, которой следовал вице-король Индии при второй встрече, 30 июля 1873 г., с Нур Мухаммед-ханом.

Затем всплыла проблема размеров помощи англичан Афганистану. Нортбрук заверил, что британское правительство, помимо обязательства помогать эмиру, готово использовать свои надлежащие ведомства для урегулирования любого возможного конфликта между Афганистаном и каким-либо другим государством²⁵.

Афганский представитель обыгрывал «страх» перед русским продвижением к границам его страны, возможным созданием русских поселений в Керки, Чарджуе и других местах близ границы. Он высказывал опасение, что русские могут потребо-

¹⁹ Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. Ташкент, 1957. С. 75; Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951; Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века (60—70-х гг.). Ташкент, 1969.

²⁰ Губар. Указ. соч. С. 600.

²¹ Билграмн. Указ. соч. С. 163; Чавда. Указ. соч. С. 184.

²² Билграмн. Указ. соч. С. 163; Чавда. Указ. соч. С. 184.

²³ Прасад Б. Указ. соч. С. 139.

²⁴ Там же. С. 139—140.

²⁵ Билграмн. Указ. соч. С. 164.

вать «для политических целей учредить свои миссии и агентства и предъявить другие требования»²⁶. Нортбрук указывал, что «в результате недавней переписки между Россией и Англией его правительство не испытывает никаких опасений относительно Афганистана». Нур Мухаммед желал также уточнения размеров помощи. Однако обещания англичан были слишком общими. Поэтому Шер Али-хан открыто высказал свое недовольство итогами Симлской конференции, отказался от субсидии и не сразу согласился принять предложенное ему оружие²⁷.

Было ясно, что Симлская встреча не оправдала возлагавшихся на нее британскими властями надежд. В отличие от позиции в Амбале эмир проявил больше твердости и решительно потребовал от Англии, чтобы она юридически подтвердила свои позиции в отношении его страны.

Член совета при вице-короле Джон Стрэчи в «Записках по Афганистану» указывал, что конференция в Симле провалилась, поскольку Лондон сдерживал действия вице-короля. В то же время, считал он, сыграли свою роль «чрезмерная подозрительность и невежество эмира»²⁸. Это утверждение совершенно несправедливо. Даже если бы Лондон предоставил своим чиновникам свободу действий в решении афганских дел, ни один из них не дал бы эмиру четко определенных гарантий. В том-то и дело, что Шер Али-хану нужны были не какие-то обещания, а точные гарантии, а также равноправный характер взаимоотношений с англичанами, но британское правительство изменило бы самому себе, если бы зашло в своих обещаниях так далеко, как того добивался афганский эмир. Поэтому вполне закономерно, что англо-афганские отношения зашли в тупик. Любые усилия афганской дипломатии были заранее обречены на неудачу.

Встречи в Амбале и Симле завершили сравнительно мирный период в истории афганской дипломатии того времени. Шер Али-хан и Нур Мухаммед-хан могли тогда еще верить в силу своих дипломатических акций и надеяться на какие-то результаты. В то время афганская дипломатия смело вышла на борьбу со своим могущественным искусственным противником. Однако ей не под силу было не только изменить ход политических событий, но и отдалить приближавшуюся трагическую развязку. Между тем исход событий был предрешен. Пришедшее к власти в Англии в 1874 г. правительство консерваторов во главе с Бенджаменом Дизраэли полностью отражало интересы правящих кругов своей страны, растущие экспансионистские устремления британского империализма. Начинаясь период «наступательной политики» Англии в отношении Афганистана. Это не могло не вызвать снижение активности афганской дипломатии и надолго затормозило ее дальнейшее развитие.

И. М. Юлдашев

²⁶ П р а с а д Б. Указ. соч. С. 140.

²⁷ Х и д о я т о в Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века. С. III.

²⁸ П р а с а д Б. Указ. соч. С. 87.

МОЛЕЛЬНИ ДРЕВНЕГО СОГДА

Изучению идеологии Средней Азии эпохи древности и раннего средневековья уделяется большое внимание, особенно в последние годы, в связи с открытием новых, уникальных объектов.

Тем не менее многие стороны древней идеологии остаются пока не выясненными. К ним относятся и наличие культовых помещений в отдельных хозяйствах городов и поселений позднеантичного и раннесредневекового Согда. Не выявлены еще происхождение культовых помещений, типология, ареал и этапы их развития. Не выяснены ритуальные обряды и идеологические представления гончаров и других ремесленников, хотя в этнографическом плане эти вопросы изучены достаточно хорошо¹.

В этой связи надо с удовлетворением отметить, что в последние годы на территории древнего Хорезма, Согда, Бактрии — Тохаристана, Чача открыт ряд культовых объектов — храмы, мавзолеи, дахмы, домашние культовые помещения.

Большие планиграфические вскрытия произведены на квартале керамистов городища Еркурган, где выявлено около десяти хозяйств гончаров (рис. 1). В наиболее крупных хозяйствах выделяются отдельные комнаты-молеельни.

Раскопки на этом объекте произведены пока только по самому верхнему строительному горизонту, отмеченному следами внезапного и сильного пожара. Следы его видны почти во всех помещениях в виде сильно прожженных штукатурок стен и полов. Следует отметить обилие в комнатах-хранилищах целых керамических сосудов и наличие обожженных балок от перекрытий. Керамические комплексы датируют время пожара V—VI вв. н. э.

¹ См., напр.: Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959.

Отдельные хозяйства выделены в основном по домовладениям, где имелись четкие границы дома с отдельными входами со стороны улицы или площади.

Так, в домовладении 1 открыто пока одно помещение (пом. 37), размером 6,40×6,60 м, со входом с северной стороны; оно находилось в глубине домохозяйства. Со всех сторон вдоль стен оно имеет суфы. В центре помещения — квадратный по форме алтарь-подиум, размерами 1×1 м, высотой около 25 см. Поверхность его сильно обожжена. Помещение чистое, на стенах — следы пожара.

В домовладении 2 помещения с явными культовыми признаками не выявлено.

Домовладение 3 состоит из девяти помещений. Помещение 2, расположенное в центральной части, было, видимо, культовым. Оно имеет в плане форму квадрата (5,2×5 м), со сквозными проходами с трех сторон. Один из проходов, обращенный в сторону улицы, был закрыт тамбурной перегородкой, в 1,5 м от него на полу — обожженное пятно диаметром около 60—70 см. В центре — небольшой, прямоугольный по форме выступ, высотой 8 см, длиной 20 см, шириной 10 см. К западу от выступа — кучка чистой золы белого цвета. Под золой пол был обожжен на участке диаметром около 60 см. Поверхность прямоугольного выступа тоже сильно обожжена и имеет розовый цвет.

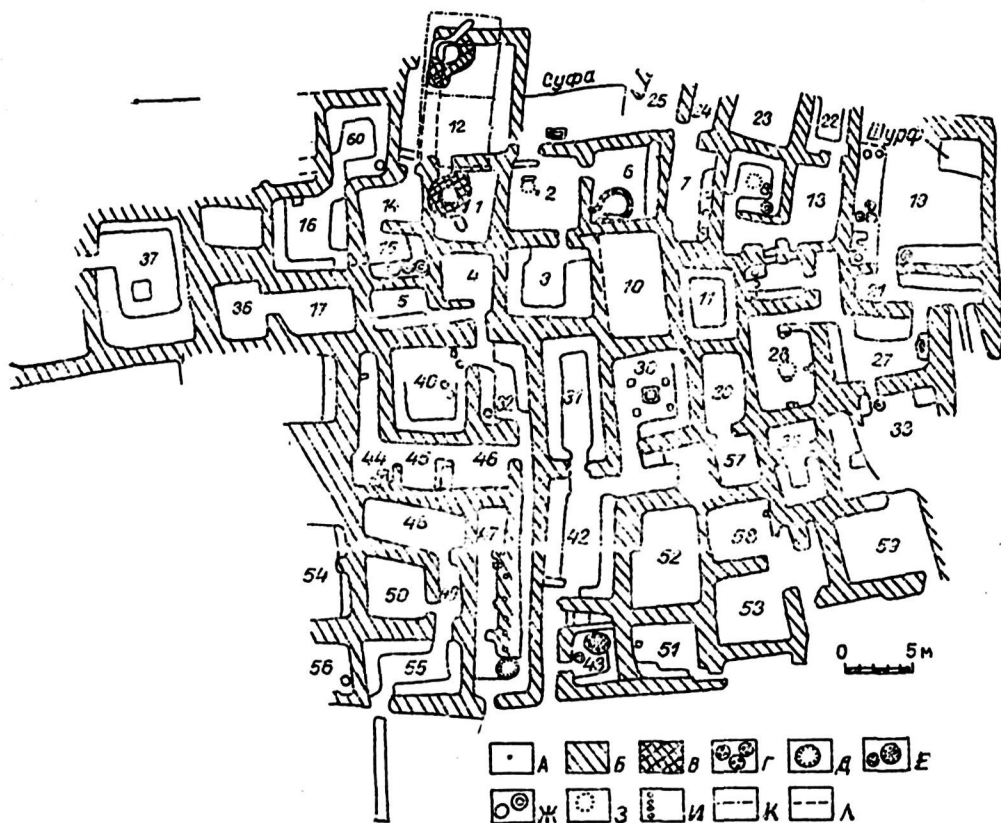

Рис. 1. План квартала керамистов Еркургана (Р = 13). А — фрагмент скульптуры, Б — стены помещений, В — керамические печи нижнего строительного горизонта, Г — треножные столики, Д — колодец. Е — керамические печи, сохранившиеся целиком, Ж — вкопанные хумы, З — обожженные пятна вокруг алтарей, И — лунки от деревянных балок, К — граница шурфа, Л — линия стен.

В 40 см западнее от очага найдена головка глиняной скульптуры высотой 12 см, шириной 9 см. Часть лица сколото, лучше сохранилась левая половина. Судя по ней, лицо было ассиметрично. Поверх глиняного рельефа была наложена ганчевая грунтовка, раскрашенная черной и красной краской. Почти полностью сохранился только левый глаз, нарисованный черной краской. Голову венчают три выступа плохой сохранности. Вероятно, это были элементы прически. С тыльной стороны головы, довольно плоской и выполненной очень небрежно (что объясняется, очевидно, тем, что она прислонялась к стене), прослеживаются остатки красной повязки. Как лицевая, так и тыльная сторона головки имеют следы копоти поверх ганчевой обмазки. В нижней левой части головы — сквозное отверстие, видимо, намеренно сделанное для прикрепления скульптуры к стене. На лицевой части скульптуры — следы многократного ремонта ганчевой обмазкой. На наиболее сохранившейся правой щеке имеется до 13 слоев ганчевой обмазки. Поверх ганчевых покрытий наносилась краска красного цвета.

Надо полагать, скульптура стояла недалеко от алтаря, у стены, и по мере покрытия копотью ремонтировалась нанесением следующего слоя ганчевого покрытия.

Найденные в этом помещении остатки скульптуры, вероятно, принадлежали одному из идолов, о существовании которых на территории Средней Азии известно из сообщений эпохи прихода арабов². Остатки их найдены как в Согде и Уструшане, так и в Фергане³.

По величине идол, найденный в верховьях Зарафшана, совпадает с идолом из Еркургана. Вероятно, еркурганский идол тоже был высотой около 1 м.

В этом же помещении, в 60—70 см юго-западнее очага, на полу находились две очажные подставки, а в центре северной стены — фрагмент котла. Фрагменты жабровни найдены и за стеной, перегородившей вход в это помещение.

В соседнем помещении (пом. 12) обнаружено два светильника с ручками в виде оседланных коней, украшенных круглыми небольшими налелями.

Домовладение 4 состоит из пяти помещений. Центральное из них — квадратное, размером 3,5×3,5 м (пом. 8). Со всех сторон оно имеет суфы, а в центре, на полу, — очажное пятно с чистой золой. В юго-западном углу на суфе — раздавленный хум.

К культовым находкам из этого же домохозяйства можно отнести десять терракотовых статуэток, обнаруженных в пом. 23. Они лежали на полу помещения, возле северной стены, по две штуки, соприкасаясь задней стороной друг с другом. Видимо, это была готовая продукция мастера-гончара, предназначенная для продажи.

Терракоты изображали царя, стоящего во весь рост, в роскошной одежде. На голове — корона, в приподнятой правой руке — переносной алтарь (?). Левая рука лежит на стоящем перед ним прямом мече. Мужчина сухощавый, с крупной головой, с лицом европеоидного типа: большие глаза, резко выраженные брови, полные щеки, массивный подбородок. На нем — длинная легкая накидка, под ней кафтан и складчатые шаровары, тоже длинные, до щиколоток. На ногах мягкие сапоги. На груди изображены ювелирные украшения.

Очевидно, эти статуэтки остались нереализованными в связи с какой-то внезапной катастрофой, повлекшей за собой сильный пожар.

Такие же терракотовые изображения, выпускавшиеся, возможно, даже из одной матрицы, ранее были обнаружены на Шортепа⁴.

Полагаем, что ремесленники из этого квартала удовлетворяли спрос всего оазиса не только на керамическую посуду, но и на терракотовые статуэтки, вероятно культового предназначения.

Хозяйство 5 состоит из шести помещений. Центральное из них, по-видимому, было культовым (пом. 28). Размеры его — 6,5×4 м (вместе с Г-образным входом), а размеры его внутренней части — 5×4 м. Вдоль трех сторон имелись суфы. Первая тумбообразная суфа, сооруженная из кирпич-сырца и оштукатуренная сверху хорошей саманной штукатуркой, расположена у входа, примыкая к тамбурной стене. Рядом с нею на полу находился квадратный по форме жженный кирпич, приставленный к суфе.

Вторая тумба (56×27×30 см) находилась у противоположной стены. Рядом — небольшая круглая яма диаметром 30 см, глубиной 10 см. Она была хорошо оштукатурена саманной штукатуркой и заполнена необожженными фрагментами чаш и кувшинов.

Очевидно, перед нами — довольно интересный обряд жертвоприношения гончаров-ремесленников, совершавшийся перед обжигом посуды. Отголоски такого обряда известны в этнографии Средней Азии и поныне. Некоторые старушки, готовя тесто для лепешек, дают небольшой кусочек его собаке, называя этот обряд «хамир учидан патир».

Как отмечает Е. М. Пещерева, в 40—50-е годы у гончаров Риштана бытовали разные ритуалы по отношению к «покровителям» ремесла. По их представлениям, после смерти человека его дух, дескать, нуждается в «бую-тафт» — «воскурении», служащем для него пищей. Таковым считается приготовленный в четверг плов⁵.

Третья тумба (57×27×30 см) размещалась напротив входа, в центре западной стены. В южной части тумбы, в коридорообразном входе, на полу найдена монета нахшебского чекана.

В небольшом домовладении 6, состоящем из трех помещений и одного сквозного коридора, специального культового помещения не выявлено.

Домовладение 7 состоит из семи помещений. Здесь выделяются производствен-

² Мухаммад Наршахи. История Бухары/Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897; Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957. С. 254, 257.

³ Мухтаров А. Шедевры в единственном числе//Путешествие в Согдиану. Душанбе, 1982. С. 13—20; Негматов Н. Древнетаджикская художественная обработка глины//Там же. Рис. 1, 2; Брыкина Г. А. Идолы из Кайрагача. (Памятники культуры. Новые открытия). Л., 1981.

⁴ Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981. Рис. 51.

⁵ Пещерева Е. М. Гончарное производство... С. 363.

ные мастерские с керамическими печами, специальные хранилища керамических сосудов, жилые помещения и т. д. У входа в хозяйство обнаружен колодец.

Помещение, расположенное в глубине хозяйства, имеет несколько вытянутую с востока на запад форму, размерами 4,5×3,5 м. На полу обнаружен тонкий слой камышового пуха.

Наличие у входа тамбурной перегородки и само расположение помещения в глубине хозяйства могут свидетельствовать о его культовом назначении.

Хозяйство 8 — сравнительно небольшое, состоит из пяти комнат. Здесь центральное помещение тоже было культовым. Оно расположено почти в центре вскрытого квартала, имеет квадратную форму, размерами 5,5×5,5 м. В центре помещения был очаг квадратной формы, размерами 97×90 см, с невысокими валикообразными перегородками с четырех сторон.

В четырех углах очага, на расстоянии 80—90 см друг от друга, симметрично расположены четырехугольные лунки от деревянных баз колонн. Вдоль западной и южной стен выступают невысокие суфы, шириной около 1 м и высотой около 10 см. На уровне пола найдены обожженные, обуглившиеся фрагменты балок от верхних перекрытий помещения.

Как видим, культовые помещения несколько отличались друг от друга.

Так, культовое помещение хозяйства 1 имело довольно хороший алтарь, сооруженный в виде квадратного подиума в центре помещения.

В хозяйстве 8 был квадратный очаг на полу, окруженный валикообразными бортиками. Кроме того, в культовом помещении имелись колонны от перекрытия. Оба помещения сближаются отсутствием тамбурной перегородки у входа и наличием вдоль стен суф. К ним несколько приближается культовое помещение в домовладении 3 — по наличию суф вдоль стен и отсутствию тамбурной перегородки. Однако здесь алтарь заменяло обычное кострище на полу, без бортиков.

Другая группа культовых помещений отличается наличием у входа тамбурных перегородок, а также алтаря огня в центре помещения и ближе к тамбурной перегородке.

Разнообразие планировки культовых помещений квартала керамистов Еркургана и других сельских поселений Южного Согда объясняется, видимо, отсутствием унификации в согдийской религии в эпоху поздней античности и раннего средневековья.

Культовые помещения в больших жилых домах раннесредневековых городов и поселений Средней Азии уже отмечались в литературе⁶. Однако наличие культовых помещений в квартале ремесленников, особенно гончаров, в таком большом количестве выявлено впервые.

Поскольку вся жизнь согдийцев сопровождалась обрядами, можно думать, что и культовые помещения были не только ритуальными, но и обладали бытовыми функциями. В богатых домах Пенджикента в залах для приема гостей, судя по росписям, происходило поклонение изображениям богов. Вероятно, и в ремесленной среде главная комната жилища имела отчасти культовое назначение.

На Еркургане в пределах внутренней стены с первых веков н. э. и даже после запустения городища отдельные хозяйства продолжали выпускать посуду еще в VII в.

Это постоянство в значительной степени, вероятно, связано с религиозными представлениями гончаров и их обрядовыми проявлениями. Например, по этнографическим данным, записанным Е. М. Пещеревой в Риштане, гончары никогда не допускали осквернения тех мест, где когда-то жили и работали их предки⁷.

Судя по этнографическим и археологическим данным, гончары во многих случаях при приготовлении глины, формовке керамических сосудов, их обжиге обязательно соблюдали соответствующие ритуалы. На исследуемом квартале они вместе с бытовыми керамическими сосудами изготовляли и чисто ритуальные предметы — курильницы, жаровни, светильники, терракотовые изображения божеств.

⁶ Воронина В. Л. Доисламские сооружения Средней Азии//СА. М., 1960. № 2. С. 42—55; Распопова В. И. Помещения с очагом-алтарем в древнем Пенджикенте//Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981; Гуревич Л. Л. К интерпретации пенджикентских «капелл»//Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье»; Ахунбабаев Г. Х. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда//Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье//Материалы советско-французского colloquium. Самарканд, 1986. Ташкент, 1987. С. 10—21; Богомолов Г. И., Буряков Ю. Ф. Культовые помещения при жилых домах с городища Канка//ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 76—88; Филанович М. И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача//Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье... С. 148—156.

⁷ Пещерова Е. М. Гончарное производство... С. 362—365.

Таким образом, выявленные на Еркургане материалы позволяют расширить наши представления как о культовых объектах, так и о гончарном производстве древнего Согда.

М. Х. Исамиддинов

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О РОЛИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТОРГОВЛЕ РОССИИ И ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В фондах ЦГА УзССР сосредоточено большое количество материалов, относящихся к истории взаимоотношений Средней Азии с соседними странами. Среди них немало сведений и о роли этого региона в международных торговых связях.

Сама постановка вопроса о роли Средней Азии в торговле России с соседними странами: Индией, Ираном, Афганистаном, Восточным Туркестаном и др.—отнюдь не нова. Об этом говорится в работах ряда авторов¹. Однако вопрос этот не получил еще должного освещения в нашей литературе. Не изучены пока в достаточной мере и богатые архивные материалы, в частности из фондов Центрального государственного архива (ЦГА) УзССР.

Конечно, документы из этого и других архивохранилищ отнюдь не остались вообще вне поля зрения исследователей, изучавших историю взаимоотношений Средней Азии с соседними странами. Так, они были использованы в работах Х. З. Зияева², Э. М. Мамедовой³ и др.

Однако, как показало внимательное изучение архивных материалов, Э. М. Мамедовой, например, использованы в основном данные по торговле Туркестана и Восточного Туркестана, а архивные источники, раскрывающие роль Средней Азии и ее купечества в торговле России и Восточного Туркестана (некоторые документы из фондов 1, 17, 19), автором не использованы, ибо это не входило в ее задачу. Между тем за последнее время обнаружены различные материалы типа прошений, протоколов, донесений, списков купцов, которые полнее освещают роль Средней Азии и ее купечества в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XIX в.

Прежде чем говорить о значении архивных материалов, раскрывающих роль Средней Азии и ее купечества в торговле России с Восточным Туркестаном во второй половине XIX в., надо хотя бы вкратце остановиться на посреднической роли среднеазиатского купечества более раннего периода. Известно, что торговые связи России с Восточным Туркестаном длительное время не были стабильными из-за постоянных столкновений между среднеазиатскими ханствами, междоусобных войн, опасности путей, грабежей караванов на дорогах и т. п. Все это вело к тому, что русским купцам приходилось прибегать к помощи посредников—купцов из восточных стран, через которых и стали налаживаться первые связи России с Восточным Туркестаном⁴.

Посредники участвовали в торговых отношениях России с Восточным Туркестаном и после того, как Россия освоила Сибирь, и, таким образом, русские владения приблизились к Восточному Туркестану. При этом во все периоды торговли зачастую велась среднеазиатскими купцами.

Эта посредническая роль среднеазиатского купечества оставалась важной и в первой половине XIX в., так как дальнейшему успешному развитию торговли в регионе мешало отсутствие межгосударственных торговых правил. Поэтому и обращались к помощи среднеазиатских купцов, которые вели традиционную торговлю с Восточным Туркестаном. Этому способствовали отсутствие языкового барьера, наличие многих общих черт в обычаях и нравах народов Средней Азии и Восточного Туркестана.

Только в 1851 г. Кульджинским договором была установлена беспошлинная меновая торговля Семиречья с Восточным Туркестаном (в двух пунктах—Кульдже

¹ См., напр.: Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в торговле России и Индии. Ташкент, 1964; Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии (в XVII—первой половине XIX в.). М., 1983; Кузнецов В. С. Экономическая политика Цинского правительства в Синьцзяне. М., 1973.

² Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX веках. Ташкент, 1983.

³ Мамедова Э. М. Из истории торговых отношений Туркестана и Синьцзяна (1850—1917 гг.)//Научные работы и сообщения. Кн. 4. Ташкент, 1961. С. 363—371; Ее же. Из истории взаимоотношений народов Туркестанского края с Синьцзяном: Реп. канд. дис. Ташкент, 1963.

⁴ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 16.

и Чугучаке). Этим было положено начало двусторонней торговле на равноправных началах⁵. Во второй половине XIX в., после присоединения Средней Азии, владения Российского государства стали непосредственно граничить с Восточным Туркестаном. И в этих условиях посредническая роль среднеазиатского купечества, хорошо знавшего условия Восточного Туркестана, сохраняла свое значение.

В 70-х годах в связи с усилением антициннской борьбы в Восточном Туркестане, в результате которой образовалось государство Йэйтишар⁶ и этот район вышел из-под контроля Цинской империи, торговые отношения между Россией и государством Йэйтишар стали постепенно налаживаться и вошли в нормальное русло. Об этом, в частности, свидетельствует хранящееся в архиве письмо правителя Йэйтишара Якуб-бека на имя туркестанского генерал-губернатора, где сказано: «Я искренне желаю пользоваться спокойствием, и Вы поэтому можете быть уверены в истинной к Вам дружбе, все пути для торговли будут открыты»⁷. В ответ на это туркестанская администрация ставила вопрос об открытии местных рынков для русского купечества.

Итак, к моменту заключения Петербургского договора (1881) складываются условия для расширения торговых связей между Россией и всей территорией Восточного Туркестана. По договору, китайское правительство предоставило Русскому государству возможность беспошлинной торговли в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре, а также права транзита товаров через территорию Восточного Туркестана в города внутреннего Китая — Сучжоу и Тяньцзинь. Это давало возможность развития сухопутной торговли не только на территориях, вошедших в сферу влияния Цинской империи, но и в глубинных районах собственно Китая. По условиям договора, была уменьшена пошлина на вывоз из Восточного Туркестана чая низких сортов (кирпичный, низкие сорта байхового чая), поставлявшихся в большом количестве через Кяхту.

После заключения Петербургского договора русско-синьзянский товарооборот заметно вырос. Так, в 1893 г. он оценивался в 58 млн. руб. и составил 15% общей суммы русско-китайского товарооборота⁸.

Особенно успешно развивались торговые отношения Туркестанского края с Синьзяном, в которых по-прежнему активно участвовало среднеазиатское купечество, торговавшее не только своими, но и русскими товарами. Так, среди товаров среднеазиатских купцов видное место занимали как шелковые ткани, шерстяные материалы, войлок, так и русское сукно, белье, ситцы⁹.

По архивным данным, среднеазиатские купцы торговали в Кашгаре русскими товарами, купленными на Ирбитской ярмарке. В 1866 г. только в Ташкент через Петропавловск было ввезено русских товаров на 1 535 111 руб.¹⁰; значительная часть их была приобретена на Ирбитской ярмарке. Это были бязи, тик, мыткали, сукна, бархат, алачи, сатин, кисея, халаты, платки, нитки, кожа, железные и медные изделия, краски, бумага писчая, спички, сундуки, часы, свечи, грести, зеркала, зонтики, золотые изделия, деревянные изделия, веревки, меховые товары, перо, икра, кофе, сахар, мед и др.¹¹ Затем значительная часть этих товаров была направлена в Кашгар.

Судя по архивным материалам, из Восточного Туркестана среднеазиатские купцы в основном вывозили китайский чай и бязь¹². Общий оборот внешней торговли по китайской границе в пределах Туркестанского таможенного округа выразился в 1896 г. в 3 198 171 руб., из них ввоз составил 1 870 398 руб., а вывоз — 1 327 773 руб.¹³ Среди ввозимых из Восточного Туркестана товаров, помимо бязи и чая, были также ковры, войлоки, сухофрукты, золото, серебро в ямбах (слитках), свинец и т. д.

Архивные материалы позволяют выявить главные перевалочные пункты в торговле обеих стран. Транзитная караванная дорога шла через Нарын, Коканд, Фергану, Ош, Маргелан и отдельной веткой — через Ташкент. Караваны проходили главным образом через перевалы Зардалы (Кокандский уезд), Каракандык (Маргеланский уезд), Терек-даван, Шарт, Аргат и Талдык (Ошский уезд). Торговля ве-

⁵ Мамедова Э. М. Из истории торговых отношений Туркестана и Синьзяна (1850—1917 гг.). С. 364.

⁶ Ранее в русской исторической литературе было принято писать «Джеты шаар». В последнее время в ряде работ его принято называть «Йэйтишар». См.: Иси-ев Д. А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864—1877). М., 1981; История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986. С. 452.

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 27, д. 6, л. 89а.

⁸ Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 275.

⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 827, л. 11а, б, 12а, 14а.

¹⁰ Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент, 1983. С. 146.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 207, л. 32.

¹² Там же, д. 207, 1319.

¹³ Там же, оп. 1, д. 1319, л. 12—13.

лась также через Семиречь, Иссыккульский уезд и г. Нарын. Чай зеленый и кирпичный ввозился через Иркештамский переходный пункт¹⁴.

По архивным источникам можно установить номенклатуру и количество ввозимых и вывозимых товаров из России и Средней Азии в Восточный Туркестан и обратно. Например, в 1888 г. через Иркештамский таможенный пункт в Кашгар вывозились сукно, сатин, алачи, кисея, халаты, платки, железные и медные изделия и др.¹⁵ За 1888—1892 гг. через этот пункт было вывезено товаров на 440 097 руб. Среди них — медные, чугунные, железные, деревянные изделия, шелковые, шерстяные материалы, сукно, войлок, белье, опилки и т. д.¹⁶

Аналогичные товары вывозились в пределы Кашгара через Нарынскую и Иссыккульскую таможни. Например, в 1890 г. через Нарынскую таможню было вывезено товаров на 140 399 руб., в 1891 г. — на 136 207 руб., а в 1892 г. — на 210 352 руб. Через Иссыккульский таможенный участок было вывезено товаров в 1891 г. на 64 077 руб., а в 1892 г. — на 63 169 руб.¹⁷

Как видно из сказанного, роль Средней Азии и ее купечества в торговле России и Восточного Туркестана была весьма значительной. Однако эти торговые отношения в ряде случаев резко осложнялись тем, что цинские войны, чиновники, а иногда и пограничная служба препятствовали торговым операциям. Об этом свидетельствуют, например, протоколы, прошения торговцев о возмещении убытков, нанесенных цинскими войсками в 1877 г. В этих документах, однако, главное для нас — не факт просьбы о возмещении убытков, а сведения о номенклатуре товаров, которыми торговали среднеазиатские купцы, и их адреса (наманганские, ошские, ходжентские, маргеланские, кокандские), свидетельствующие о том, что это — выходцы из Средней Азии, находившиеся в Кашгаре по торговым делам. Например, из прошения Мухаммад Салих-бая видно, что в 1877 г. у него захватили 32 верблюда, лошадей с седлами, шубы, меха, русского ситца и ваты на 2820 руб.¹⁸ В другом документе ошский житель Пыр Мухаммад Авазов писал: «В 1877 г., услышав, что китайцы (цинские войска) приближаются к Кашгару, где в то время я проживал по торговым делам, опасаясь как бы китайцы (цинские войска) не причинили какого-либо вреда, собрал все свое имущество и выехал из г. Кашгара в сторону Оша. Так как выехал поздно, то пришлось сделать остановку и ночевать в селении Сарман. Ночью напали китайцы (цинские войска) и ограбили все, что было. Среди ограбленных было 12 лошадей, навьюченных шелком, кошмами, четками, всего на триста пятьдесят два тилля»¹⁹. Аналогичные факты приводятся и в десятках других прошений²⁰.

О посреднической роли среднеазиатских купцов в торговле России и Восточного Туркестана говорят и протоколы, фиксирующие результаты разбора заявлений о возмещении убытков. Вот протокол от 1877 г.: «Аба-хан торговец товарами за два года до занятия Кашгара цинскими войсками (1875 г.) поселился в Кашгаре в Янги-Гисаре, торговал аршинными товарами, по преимуществу — русскими ситцами. Всего товаров на 2 тыс. 526 руб. Среди товаров были русские ткани, шерсть, ковры и 9 ямб»²¹. Другой пример — прошение маргеланского купца Мулла Юлдашбая, находившегося в Кашгаре во время прихода цинских войск и потерпевшего убытки от тех событий. В своем прошении он показал, что «у него ограбили в Кашгаре 13 больших серебряных ямб, 3000 кашгарских тенге, 8 лошадей, 12 китайских чашек, 8 ковров, 4 килы одеял из русского ситца, 2 медных котла, 400 кусков кашгарской хаты, 125 кусков адраса, 10 кусков ситцу русского и другое»²².

Как видим, в документах неоднократно фигурируют товары русского производства, что говорит об активной роли среднеазиатских купцов в торговле России с Восточным Туркестаном.

Из архивных источников следует, что многие азиатские купцы вместе с семьями в течение десятков лет проживали в Кашгаре. Так, в прошении купца Кадир Бердиева отмечается, что он с семьей свыше 35 лет жил в Кашгаре и вел торговлю с Семиречьем, отправляя туда мату и получая оттуда красный (беспошлинный) товар²³.

Все эти данные убедительно подкрепляются сведениями исследователей, побывавших в Кашгаре и обративших внимание на активность там среднеазиатских купцов. В частности, Ч. Ч. Валиханов писал: «Жители Маргелана, самого замечательного города в Коканде по своим мануфактурным произведениям, преимущественно ведут торговлю с Кашгаром. Вообще торговля Восточного Туркестана находится в

¹⁴ Там же, л. 8а.

¹⁵ Там же, оп. 11, д. 827, л. 10об.

¹⁶ Там же, л. 14а.

¹⁷ Там же, л. 11а—12а.

¹⁸ Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 1964, л. 33 об.

¹⁹ Там же, л. 44 об.

²⁰ Там же, л. 1—37 об.

²¹ Там же, л. 87а.

²² Там же, л. 376а.

²³ Там же, л. 71а.

руках кокандцев и бухарцев, которые все торговые операции обращают на приобретение чая»²⁴.

Как видно из приведенных документов, архивные источники содержат богатый материал, о коммерческой деятельности среднеазиатских купцов, в том числе их посреднической роли в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XIX в.

М. Ю. Юнусходжаева

²⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 203.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И БОРЬБА ИДЕЙ

(Ташкент: Фан, 1988. 192 с.)¹

Книга посвящена исследованию актуальной в условиях современной идеологической борьбы проблемы отечественного философского наследия. Главная особенность, отличающая данную работу от других публикаций по истории философии Средней Азии, состоит в том, что в ней впервые этот вопрос специально рассматривается под углом критики буржуазных трактовок и фальсификаций философского наследия среднеазиатских народов. При этом у всех авторов включенных в сборник работ имеется соответствующее знание источников среднеазиатской философской мысли и конкретных представителей современной и исторической буржуазных критических концепций и школ по данному вопросу.

Работа построена по принципу тематического сборника. Каждый его раздел раскрывает одну из проблем, а в целом они выстраиваются в стройный ряд, отражающий название и цель книги в целом.

Открывает сборник раздел А. М. Джалалова «Гегель и идейная борьба вокруг философского наследия народов Востока». Наряду с раскрытием той важной роли, которую сыграл великий немецкий философ, привлекая внимание к философской мысли Востока, автор убедительно показывает значимость философского наследия народов Средней Азии и Среднего Востока, его оригинальность и богатое содержание.

А. Д. Шарипов в разделе «К анализу некоторых зарубежных концепций онтологических систем среднеазиатских мыслителей» обращается преимущественно к трудам западноевропейских буржуазных и восточных традиционалистских и прогрессивных концепций, а также к марксистско-ленинской теории. Здесь справедливо подчеркивается, что европейская буржуазная историография и историко-философские направления религиозно-мистической ориентации в странах зарубежного Востока, несмотря на определенные результаты в исследовании конкретных проблем, дают искаженную картину разработки данных вопросов в философии Средней Азии. Раскрыть несостоятельность таких концепций можно лишь на основе марксистско-ленинской методологии.

Р. Н. Насыров в разделе «Прогрессивные идеи мыслителей раннесредневековой философии Средней Азии о связи чувства и мышления в познании и критика их фальсификаций» анализирует гносеологические взгляды Фараби, Беруни, Ибн Сины и других мыслителей, прослеживая их концептуальные позиции в противовес некоторым мистическим суждениям Газзали. На примере подходов различных буржуазных авторов раскрывается методологическая несостоятельность их оценки вклада и роли прогрессивных мыслителей Средней Азии, разоблачается стремление зарубежных фальсификаторов приспособить новые веяния к требованиям и традициям ислама, которые они объявляют «незаменимым импульсом», «внутренним источником» всякого обновления общества.

А. Закидов посвятил свой раздел критике буржуазных интерпретаций свободомыслия народов раннесредневековой Средней Азии. На основе идей Ф. Энгельса о жизнерадостном арабском свободомыслии периода средних веков он дал тщательный анализ концепций ученых раннего средневековья и критических оценок их в трудах современных зарубежных исследователей.

Освещению малоизученного этапа философского наследия среднеазиатских мыслителей XIV—XV вв. в оценках зарубежных исследователей посвятил свой раздел Х. Аликулов. Он подчеркивает, что многие зарубежные авторы оценивают мыслителей Средней Азии и Ирана указанного периода как якобы активных защитников ислама. Х. Аликулов выступает против попыток буржуазных ученых стран Ближнего и Среднего Востока игнорировать научные и философские достижения среднеазиатских народов, приписывая их арабской или иранской культуре, затушевывая тем са-

¹ Авторский состав: А. М. Джалалов, А. Д. Шарипов, Р. Н. Насыров, А. Закидов, Х. Аликулов, Е. А. Полякова, З. Ишмурадова, Т. М. Рамазанов, Г. Ширматов и Э. Хакимов. Отв. редактор — чл.-кор. АН УЗСР М. М. Хайруллаев.

мым их национальный характер и оригинальную специфику. Материалистические тенденции в трудах мыслителей того периода, гуманизм Улугбека, Навои, Джами, Лутфи, убедительно раскрытые в разделе, опровергают многие домыслы как западных, так и восточных исследователей.

Все больший интерес в условиях современной философской и идеологической борьбы приобретает концепция человека во взглядах суфиев. Этому вопросу посвящен раздел ныне покойной Е. А. Поляковой. По ее мнению, данная проблема требует, в частности, выявления возможно большего числа индивидуальных интерпретаций основных положений суфизма. Качественно новый шаг в этом направлении может быть сделан лишь с переходом от тенденции унификации различных концепций суфизма к дифференцированному изучению системы воззрений мыслителей и идейных течений.

Освещению философских взглядов среднеазиатских просветителей XIX—начала XX в. посвящены разделы З. Ишмурадовой и Т. М. Рамазанова.

Завершает сборник аналитическая статья о роли духовного наследия в развитии социалистической культуры и критике ее буржуазных фальсификаций, которую подготовили Г. Ширматова и Э. Хакимов.

К числу недостатков рецензируемой книги можно отнести отсутствие в ней такого важного раздела, как методологическая концепция философского наследия народов Средней Азии, где были бы обобщены и выдвинуты основные положения по этой проблематике. Следовало дать определенную классификацию позиций разных зарубежных исследователей, которые представлены разрозненно в разделах каждого автора. Целесообразно было осветить и борьбу идей вокруг философского наследия в рамках истории марксистско-ленинской методологии. Есть недостатки и в научном аппарате книги. Так, не следовало давать сноски на источники и литературу то на языке оригинала, то в транскрипции.

В целом же перед нами — интересная работа, полезная как для дальнейших исследований истории отечественной философской мысли, так и для критического осмысления трудов зарубежных ученых по проблемам духовного наследия среднеазиатских народов.

В. А. Аулов

Т. К. БЕЙСЕМБИЕВ. «ТА'РИХ-И ШАХРУХИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(Алма-Ата: Наука, 1987. 199 с.)

Издательством «Наука» Казахской ССР опубликована книга Т. К. Бейсембиева «Та'рих-и шахрухи» как исторический источник, которая, безусловно, займет свое место в исследовании среднеазиатской (кокандской) историографии, овещении истории народов Средней Азии в XVIII—XIX вв.

Т. К. Бейсембиев, дав анализ более чем 40 неопубликованных источников периода жизни автора «Та'рих-и шахрухи» Муллы Нийаз Мухаммада Хуканди, впервые систематизировал и ввел в широкий научный оборот основной материал труда кокандского историка по истории Кокандского ханства и по вопросам экологии человека в Ферганской долине.

Как известно, сочинения кокандской школы историографов, особенно «Та'рих-и шахрухи», привлекали внимание многих исследователей. Еще в 1885 г. Н. Н. Пантусов издал без перевода этот источник в Казани.

Как отмечает Т. К. Бейсембиев, «в истории изучения ТШ («Та'рих-и шахрухи»).— Ш. В.) как исторического источника можно выделить различные этапы определения его исторической ценности. Первые исследователи довольно скептически оценивали ТШ как источник. Некоторые из них полагали, что сумма фактических данных, заключенных в сочинении, не сопоставима по объему и качеству с показаниями других, более ранних трудов кокандской историографии... Но, чем ближе к нашему времени, тем более точными, полными становятся высказывания специалистов о значении ТШ» (с. 43). И ученый с привлечением многих источников, трудов русских дореволюционных и современных авторов, в результате глубокого и всестороннего анализа «Та'рих-и шахрухи» доказывает ценность и оригинальность этого источника.

Книга состоит из четырех глав, заключения, приложения, обширной библиографии, указателей имен собственных, топонимов, этнических названий и терминов.

В первой главе раскрываются предпосылки образования Кокандского ханства и выделяются основные вехи истории этого государственного образования, а также приведены сведения об авторе «Та'рих-и шахрухи», его жизни и творчестве (с. 6—31). Подробно охарактеризованы географическая среда Ферганы, ее длинная многовековая оседло-кочевая культурная традиция, показаны экономические предпосылки образования Кокандского ханства.

Автор констатирует, что все основные вехи истории ханства определялись борьбой различных племенных группировок кочевников с представителями оседлых фео-

далов. Последние, по словам ученого, в своей борьбе с кочевниками прибегали к поддержке широких масс дехкан и ремесленников, испытавших тяжесть гнета кочевых феодалов (с. 21). В последний период существования Кокандского ханства «активность народных масс в связи с ухудшением их экономического и социального положения заметно возросла» (там же).

Как и другие исследователи истории Средней Азии XIX в., Т. К. Бейсембиев правильно отмечает, что присоединение Средней Азии, в том числе Кокандского ханства, к России было поворотным моментом в судьбах народов данного региона (с. 27, 135).

Вторая глава посвящена изучению самого источника. Исследователь определяет источники «Та'рих-и шахрухи», характеризует 11 списков этого труда, хранящихся в рукописных фондах Ташкента, Душанбе, Казани, Ленинграда, раскрывает общее содержание источника и особенно место «Та'рих-и шахрухи» в кокандской историографии.

В последней части этого раздела автор, однако, чрезмерно возвеличивает место «Та'рих-и шахрухи» в кокандской историографии. По нашему мнению, здесь надо было отметить общие недостатки данного источника как произведения жанра исторической литературы, защищавшей интересы определенного класса и социальных группировок. Ученый, хотя и говорит об общих чертах историографического метода Нийаз Мухаммада, но в полной мере своей цели не достигает (с. 46).

В третьей главе освещается социально-экономическая история Кокандского ханства, причем автор умело использует сведения из «Тарих-и шахрухи» и иных источников, а также данные географии, экономики, статистики и других наук.

При изложении этнической истории автор выделяет оседлых (сарты, узбеки, таджики, «анди») и кочевых, полукочевых жителей (казахи, кипчаки, киргизы, тюрки и др.). Особо отмечается роль таджиков и выходцев из горного Таджикистана (Кужистана) в политической и культурной жизни Ферганы (с. 81).

Определяя господствовавшую в Кокандском ханстве идеологию, ученый правильно говорит, что религия (ислам суннитского толка) составляла господствующую идеологию, которая обосновывала и защищала светскую власть правителей, якобы происходивших из рода Тимура, Чингисхана, «святых» и «пророков». Т. К. Бейсембиев считает исходной базой «обоснования» власти правителей Коканда (из династии Минг) легенду о происхождении первых кокандских ханов. Как известно, главными в этой легенде являются мифологические и фольклорные элементы. Ребенок, оставленный Бабуrom (по имени Алтун Бешик — «Золотая колыбель»), послужил источником «архетипа» (первообраза) легенды о происхождении первых кокандских ханов. Имя исторического лица (Бабура) служит материальным обоснованием мифического героя-«архетипа», в данном случае ребенка — Алтун Бешика. В процессе формирования этого образа и его дальнейшего «разветвления» обосновывается генеалогическая связь с Тимуридами и Чингисханом. И поэтому легенда, основанная на этнической традиции системы мировосприятия тюркских народов, «стала структурным элементом господствующей идеологии» (с. 86).

Четвертая глава посвящена политической истории Коканда с XVIII в. до начала 70-х годов XIX в. Из этой главы (с. 91—134) явствует, что в начальный период (начало XVIII в. — 1800 г.) укрепилось экономическое положение Ферганы, возникло независимое Кокандское ханство.

Второй период (1800—1840 гг.) отличается расцветом ханства. Здесь можно говорить об экономическом росте, развитии культуры и относительном спокойствии среди центробежных групп и племен.

Третий период (1840—70-е годы XIX в.) ученый считает временем социально-политического кризиса. «Незавершенность социальной перестройки господствующего класса привела к тому, что он, раздираемый внутренней борьбой, потерял способность противостоять внешней опасности», — пишет Т. К. Бейсембиев (с. 135).

Самым ценным разделом книги представляется приложение, усилившее историко-ведческое значение данного исследования. Здесь приведены таблица разночтений в «Та'рих-и шахрухи» на основе 9 списков; схема рукописей источника; связи Ферганы с внешним миром; должностные лица и носители званий; наместники и независимые от Коканда правители; полная родословная Худаярхана; генеалогическая таблица правителей Коканда; генеалогия знати и хронология событий в «Та'рих-и шахрухи» (с. 141—163). Указатели во многом облегчают читателю работу с данным трудом.

Представляется, что книга Т. К. Бейсембиева заметно выиграла бы, если бы ученый шире и подробнее раскрыл роль предводителя духовенства, руководителя суфийского ордена накшбандия Хазрат-и Сахиба. Отрывочные данные, приводимые автором книги, не дают возможности читателям понять, кто был этот ишан, выступавший «духовным наставником автора» (с. 35), «начальником ополченцев» (с. 75); почему только из-за «возвращения в Коканд Хазрат-и Сахиба наступило в Фергане процветание» (с. 89) и почему он мог отвергнуть предложения мира, исходившие от самого хана (с. 115). Думаем, что материалы, собранные Т. К. Бейсембиевым, позволили бы пролить свет и на этот вопрос.

Очень жаль, что в книгу не вошли в виде приложения наиболее оригинальные части из «Та'рих-и шахрухи», о которых так много говорит ученый (см. с. 131—133).

Надеемся, что в дальнейшем Т. К. Бейсембиев осуществит перевод этого важного источника на русский язык.

В целом же мы считаем рецензируемую книгу, несмотря на ряд недостатков, полезным вкладом в историческую и источниковедческую науку, литературу по истории народов Узбекистана и всей Средней Азии, истории узбекской литературы и восточной историографии.

Ш. Вахидов

ХРОНИКА

К 80-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА П. Н. ФЕДОСЕЕВА

Одному из выдающихся советских философов, крупных организаторов науки, вице-президенту АН СССР, академику П. Н. Федосееву исполнилось 80 лет.

Петр Николаевич Федосеев родился в 1908 г. После окончания Горьковского педагогического института (1930) и аспирантуры Московского историко-философского института (1936) он начал свою трудовую деятельность научным сотрудником Института философии и права АН СССР. Первые же его научные труды: «Как возникло человеческое общество» (1934), «Марксизм-ленинизм о религии и ее преодолении» (1941) — отличались глубиной теоретического и философского анализа, оригинальностью решения поставленных проблем. Они принесли молодому ученому заслуженное признание и уважение ученых-обществоведов страны.

В 1941 г. П. Н. Федосеев был выдвинут в аппарат ЦК КПСС, где развернул большую организаторскую работу по дальнейшему углублению изучения и пропаганды учения марксизма-ленинизма, сближению научных исследований по общественным наукам с насущными задачами укрепления и развития социалистического общества, осуществления идейно-воспитательной работы.

Многогранные научные, организаторские способности П. Н. Федосеева ярко проявились в период работы его главным редактором журналов «Большевик» (ныне «Коммунист») и «Партийная жизнь», а также зав. кафедрой диалектического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Ведя большую педагогическую работу, он внес значительный вклад в подготовку высококвалифицированных работников для партийного и советского аппарата.

В 50—60-х годах П. Н. Федосеев написал и издал ряд крупных философских трудов, как «Производительные силы и производственные отношения социалистического общества» (1955), «Роль народных масс и личности в истории» (1956), «Социализм и гуманизм» (1958), «Марксизм и волюнтаризм» (1968), «Ленин и вопросы искусства» (1968), в которых продемонстрировал разносторонность своих научных интересов в области философии и глубокую партийность, способность к творческой разработке сложных теоретических проблем общественной жизни. П. Н. Федосеев внес большой вклад в разработку проблем диалектического и исторического материализма, научного коммунизма, научного атеизма, критику буржуазной философии и социологии.

Плодотворная деятельность П. Н. Федосеева закономерно привела его к главному штабу советской философской науки — Институту философии АН СССР, директором которого он был с 1955 по 1962 г. В этот период в Институте была проделана огромная работа по разработке проблем диалектического, исторического материализма, истории философии, методологии естественных и общественных наук. Институт философии АН СССР оказал большую помощь братским союзным республикам страны в подготовке квалифицированных научных кадров.

В 1967—1973 гг. Петр Николаевич был директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Он тесно сочетал большую организаторскую, общественно-политическую работу с продолжением творческих научных поисков. В 70—80-х годах П. Н. Федосеев издал такие фундаментальные философские труды, как «Коммунизм и философия» (1971), «Марксизм в XX веке» (1977), «Диалектика в современной эпохе» (1978), «Мировоззрение, философия, наука» (1979), «В. И. Ленин и философские проблемы естествознания» (1981). Благодаря этим трудам П. Н. Федосеев снискал всеобщее признание не только у философов, но и среди представителей других общественных наук. Эти труды хорошо известны далеко за пределами нашей страны.

Избрание П. Н. Федосеева в 1946 г. членом-корреспондентом, а в 1960 г. — действительным членом АН СССР явилось ярким свидетельством заслуженного признания его большого вклада в развитие науки. Об этом убедительно свидетельствует и тот факт, что с 1962 г. он является вице-президентом Академии наук СССР, возглавляя развитие общественных наук в нашей стране.

П. Н. Федосеев был участником и организатором многих международных, всесоюзных конференций, симпозиумов, семинаров, на ряде всемирных философских конгрессов возглавлял советскую делегацию и выступал с докладами по наиболее ак-

туальным проблемам философии, защищая марксистско-ленинскую концепцию от нападок буржуазных идеологов.

Еще одним признанием больших заслуг Петра Николаевича в области общественных наук является избрание его почетным членом Академий наук ряда зарубежных стран — Венгрии, Болгарии, ГДР, ЧССР.

Выдающийся советский ученый, организатор науки, коммунист-интернационалист П. Н. Федосеев оказывал и оказывает постоянную помощь ученым-обществоведам всех союзных республик, в том числе Узбекистана. Труды его сыграли большую роль в разработке вопросов истории общественно-философской мысли народов СССР, революционного и национально-освободительного движения в стране, способствовали глубокому выявлению политических и социально-экономических причин присоединения Средней Азии и Казахстана к России, анализу проблем интернационального и патриотического воспитания и т. д. Особенно большое значение для теории и практики имеют его труды, посвященные вопросам совершенствования национальных отношений, теории перестройки и ускорения, сущности нового мышления.

П. Н. Федосеев был инициатором и организатором ряда всесоюзных и региональных научно-теоретических конференций и симпозиумов, проведенных в Среднеазиатском регионе, в частности посвященных юбилеям Ибн Сины, Фараби, Хорезми и других ученых-мыслителей Востока, чье творческое наследие нашло глубокую оценку в трудах П. Н. Федосеева.

Академик П. Н. Федосеев известен и как видный общественный деятель, внесший большую лепту в укрепление международных связей нашей страны, советских ученых.

На XXII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII съездах КПСС П. Н. Федосеев избирался членом ЦК КПСС, с шестого созыва Верховного Совета СССР является его депутатом, возглавлял Комиссию по народному образованию, науке и культуре Совета Национальностей.

С 1958 г. П. Н. Федосеев — председатель Правления Общества советско-венгерской дружбы; он многое сделал для укрепления братской дружбы между СССР и ВНР, учеными обеих стран.

За выдающиеся заслуги в развитии философской науки, а также плодотворную общественную и пропагандистскую деятельность Петр Николаевич удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда (1978), награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и другими орденами и медалями, а также высокой наградой АН СССР — Золотой медалью им. К. Маркса (1981). Ему вручены также правительственные награды ряда зарубежных стран.

Отмечая 80-летие со дня рождения академика П. Н. Федосеева, мы от имени всех ученых-философов, обществоведов, всей нашей научной общественности горячо и сердечно поздравляем его и желаем пламенному патриоту-интернационалисту, стойкому коммунисту и активному борцу за торжество марксистско-ленинской теории, неустанному труженику Петру Николаевичу Федосееву доброго здоровья и новых больших свершений на благо нашей Родины, дальнейшего развития советской науки.

Э. Ю. Юсупов, М. М. Хайруллаев, С. Ш. Шермухамедов

ХVIII ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС

21—27 августа 1988 г. в Брайтоне (Великобритания) проходил XVIII Всемирный философский конгресс. В его работе приняли участие около тысячи представителей философской науки из нескольких десятков стран. Советская делегация, которую возглавлял акад. И. Т. Фролов, состояла более чем из ста философов, треть которых представляли молодые ученые. В состав нашей делегации входили вице-президент АН СССР, акад. П. Н. Федосеев, академики Ж. М. Гвишиани, Т. И. Ойзерман, члены-кор. АН СССР В. В. Мшвениерадзе, В. М. Степин, В. И. Шинкарук, Р. Г. Яновский, акад. АН АрмССР Г. А. Брутян, акад. АН ЛатССР В. А. Штейнберг, доктора наук Э. А. Араб-Оглы, Л. П. Буева, В. Г. Буров, Д. П. Горский, В. С. Готт, Р. С. Карпинская, В. А. Лекторский, К. П. Любутин, М. П. Мчедлов, Я. М. Минквичюс, Н. В. Мотрошилова, И. П. Нарский, В. В. Орлов, З. М. Оруджев, В. С. Семенов, М. Т. Степанянц, В. И. Столяров и другие видные советские философы. Республики Средней Азии и Казахстан представляли вице-президент АН КазССР Ж. М. Абдильдин, молодая исследовательница из Алма-Аты Г. Байшенова и автор этих строк.

Конгресс был посвящен рассмотрению проблемы «Философское понимание человека». Актуальность и злободневность ее очевидны: человечество переживает один из ответственных и переломных моментов в своей истории, характер и сущность которого определяются не до конца устраненной угрозой термоядерного самоуничтожения человечества и с каждым годом возрастающей опасностью всемирного экологического кризиса. В этих условиях от философов требуются организованность, собранность и активность для того, чтобы внести существенную лепту в решение этих

общечеловеческих проблем. Вокруг этих двух узловых вопросов и строилось большинство докладов на пленарных и секционных заседаниях. Эта тема, как известно, разрабатывается также большой группой советских философов. Интерес к ней особенно возрос в связи с политикой перестройки, осуществляемой в нашей стране. Поэтому вполне естественно, что советские философы фактически были в центре внимания участников конгресса.

Конгресс начался, после официальной вступительной части, с доклада на Общем пленарном заседании вице-президента АН СССР П. Н. Федосеева «Проблема человека в советской философии». Характерно, что и завершился конгресс также докладом представителя ССОР, акад. И. Т. Фролова «Перестройка в СССР: философский омысл и практическое значение для человечества». Кроме того, работой 13 из 43 секции конгресса руководили представители советской философской науки. Советские философы, в том числе и автор этих строк, принимали самое активное участие в обсуждении пленарных и секционных докладов, в диспутах и обмене мнениями, чему во многом способствовало растущее количество наших ученых, свободно владеющих основным рабочим языком конгресса — английским. Здесь сказались также положительные результаты большой подготовительной работы, проведенной Советским оргкомитетом.

Доклады и выступления советских философов отличались на общем фоне конгресса своей большей обоснованностью, целеустремленностью, направленностью на решение актуальных общечеловеческих проблем. Доклады представителей философской науки других социалистических стран были созвучны мыслям и предложениям наших философов. Особенно активно выступали философы КНР, КНДР, Болгарии. Веско прозвучали и голоса философов латиноамериканских стран, Африки, Индии, где весьма остро стоят проблемы материального обеспечения и духовного освобождения человека.

На этом фоне нельзя было не обратить внимания на то, что доклады философов из буржуазных стран больше тяготели к академичности, абстрактности либо к постановке частных проблем. Преобладали доклады, посвященные различным вопросам лингвистической философии, анализу отдельных языковых категорий, смыслового поля слова, его изменения. Практически ценное начало прозвучало в докладах и выступлениях тех буржуазных философов, которые сосредоточивали внимание аудитории на проблемах борьбы за мир, за сохранение и дальнейшее развитие человечества. Эти мысли встречали одобрение и поддержку философов всех стран.

Одновременно с конгрессом в Брайтоне проходило Учредительное заседание Всемирной федерации молодых философов, которые активно приобщались к работе конгресса, к «взрослым» проблемам современной философии.

Участники конгресса приняли решение провести очередной, XIX Всемирный философский конгресс в 1993 г. в Москве. Президентом Всемирной федерации философских обществ избран известный философ Е. Агацин (Италия), ее первым вице-президентом — акад. И. Т. Фролов. В состав руководящего Комитета ВФФО вошли советские философы В. В. Мишенирадзе и В. А. Лекторский.

К. Х. Ханазаров

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД УПРОЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА

8 июня 1988 г. в Ташкенте состоялась региональная научная конференция на тему: «Актуальные проблемы истории республик Средней Азии и Казахстана в период упрочения и развития социализма», организованная Институтом истории АН УзССР. В ней приняли участие ученые Институтов истории Академии наук Казахской ССР и Киргизской ССР, Таджикского госмединститута, кафедр общественных наук Нукусского госуниверситета, областных вузов Узбекистана, в том числе Ташкента.

Конференцию открыл вступительным словом академик-секретарь Отделения истории, языковедения и литературоведения АН УзССР, акад. АН УзССР А. А. Аскарлов. Он отметил ее научно-практическую направленность, указав, что встреча историков, широкий обмен мнениями по теоретическим, методологическим и конкретно-историческим проблемам оживят интерес общественности к истории республик Среднеазиатского региона в 40—50-е годы, где накопилось много нерешенных проблем; явятся первым шагом на пути научного переосмысления концепции упрочения социализма в условиях национальных республик, создания фундаментальных исследований, в том числе 8-томной «Истории Узбекской ССР», с позиций XXVII съезда КПСС. Была выражена надежда, что встреча положит начало объединению научного потенциала историков региона, координации и кооперации их научного поиска на изучении важнейших проблем рассматриваемого периода.

С докладом «Актуальные проблемы истории советского общества в период упрочения социализма» выступила канд. ист. наук Л. Г. Тетенева (Ташкент). В до-

кладе отмечалось, что масштабы перестройки, уроки правды, преподанные XXVII съездом КПСС, требуют от историков новаторского анализа истории социализма, перестройки мышления, выработки принципиально новых теоретических подходов к оценке достижений, промахов, ошибок пройденного страной пути на всех этапах ее развития. Особое значение имеют обобщение накопленного опыта строительства социализма, выявление его основных законов, анализ соотношения этих законов и региональных, национальных особенностей в 40—50-е годы, которые во всем объеме их реалий и противоречий не стали еще притягательными для научного интереса ученых. В докладе дана характеристика этого сложного, исторически важного рубежа социализма, выявлены причины противоречий, возникших между сложившимися ранее командно-административными методами управления и объективными возможностями, которыми уже обладало общество. Подчеркнуто непреходящее значение решений XX съезда КПСС, других мероприятий партии этих лет, проникнутых стремлением сломать утвердившийся механизм управления, ввести в действие потенциал социализма, придать ему больше динамизма, т. е. возродить творческий дух ленинизма в его теории и практике. Однако не подкрепленные широким развертыванием процессов демократии, осложненные субъективистскими ошибками и волюнтаристскими методами руководства, они оказались лишь серией экспериментов, осложнивших выход социализма на новый рубеж.

В докладе, в порядке обсуждения, изложены наиболее актуальные, заслуживающие первоочередного изучения проблемы истории республик Средней Азии и Казахстана 40—50-х годов. Историкам советского общества, в том числе Среднеазиатского региона, важно прежде всего, углубив концепцию упрочения социализма, переосмыслить и уточнить хронологические рамки этого этапа в общей схеме периодизации советского общества. Внимание исследователей закономерно должны привлечь проблемы, связанные с экономической политикой Советского государства, в частности механизм социалистической экономики и социальная политика государства. Экстенсивный метод ведения хозяйства, специфичный для данного этапа, отрицательно влиял на темпы, методы решения многообразных проблем социалистического строительства. В послевоенные годы в темпах развития промышленности Узбекистана определилась тенденция к понижению. По всем экономическим показателям (производство национального дохода на душу населения, производительность труда и др.) уровень развития республик Советского Востока был значительно ниже среднесоюзного. В весьма сложном положении оказалась аграрная отрасль экономики республик. Корни негативных факторов их экономического развития уходят в затратную систему управления, которая заслуживает внимательного изучения. Эта система, обеспечившая (ценой огромных потерь) решение стратегических задач социализма, укрепления обороны, защиты завоеваний Октября на этапе упрочения социализма, стала тормозом экономического прогресса в послевоенные годы.

Особую важность имеют проблемы истории рабочего класса в 40—50-е годы, в том числе его отраслевых отрядов, изменений социального облика рабочих, взаимодействия рабочего класса с крестьянством, его ведущей роли, общественно-политической активности и др. В переосмыслении с новых позиций нуждаются национальные аспекты истории рабочего класса того периода.

Острой остается задача пересмотра комплекса экономических, социальных и национальных аспектов истории развития сельского хозяйства и крестьянства республик Средней Азии и Казахстана в рассматриваемые годы.

В сущности «белым пятном» остается общественно-политическая сфера истории республик Среднеазиатского региона 40—50-х годов. Особого внимания заслуживают Советы как органы народного представительства, обладающие большим демократическим потенциалом.

Следует углубить теоретические и практические аспекты духовно-культурного развития среднеазиатских республик этого периода, их вклада в общенациональную духовную культуру, процессов формирования нового человека, развития культуры быта города и села, социалистического образа жизни, антирелигиозного воспитания.

Теоретически и практически важными для исследования периода упрочения социализма являются также проблемы социальной политики, классовой структуры, женская проблема, вопросы национальных отношений. Исследование этих и многих других проблем истории республик Среднеазиатского региона тем более необходимо, что в советской историографии с новых позиций они еще не рассмотрены. Имеющиеся же публикации, написанные в обстановке застоя научной мысли, зачастую отходят от методологических принципов марксизма-ленинизма, историзма и партийности, иллюстративны по своему характеру и не дают объективного анализа исторических событий того периода.

В выступлении канд. филос. наук Х. Н. Каримова (Душанбе) поднят вопрос об общем и особенном в истории республик Средней Азии и Казахстана в период упрочения и развития социализма, которые рассмотрены в конкретном их проявлении. К числу общих объективных условий, определяющих единство и многообразие путей упрочения социализма в Среднеазиатском регионе, докладчик отнес: неодинаковый уровень социально-экономического, политического и культурного развития; ликвидацию диспропорций в экономике; обеспечение фактического равенства народов Советского Востока со всеми социалистическими нациями и др. Особенностями, опре-

деляющими социально-политическое развитие республик Средней Азии, он считает: утверждение межнациональных отношений, основанных на принципах социалистического интернационализма; создание национальной государственности в той или иной форме; развитие политической активности и сознательности трудящихся; различный уровень зрелости субъективного фактора. Отмечая сложность и противоречивость социально-экономического развития среднеазиатских республик в 40—50-е годы, докладчик пришел к выводу, что исторический анализ общего и особенного позволяет наиболее полно раскрыть и реализовать закономерности социализма на том или ином этапе.

Доктор ист. наук А. М. Юлдашев (Ташкент) заострил внимание на необходимости переоценки действующей ныне хронологической схемы периодизации истории советского общества, в том числе этапа упрочения и развития социализма. Научно аргументируя свои соображения, он предлагает для истории Узбекистана считать: 1. Период перехода к мирному строительству, упрочения социалистического общества — 1945—1956 гг.; 2. Период полной и окончательной победы социализма; борьба за демократизацию, развитие советского общества — 1956 г. — начало 60-х годов.

В выступлении доктора ист. наук Г. И. Желтовой (Ташкент) внимание концентрировалось на развитии научно-исторической мысли в Узбекистане в 40—50-е годы. Ее динамизм, несмотря на имевшие место догматизм, волюнтаризм и противоречия, связанные с эпохой сталинизма, свидетельствует об определенных позитивных изменениях в организационной системе исторической науки того периода. Историография подтверждает также необходимость глубокого изучения вопросов, связанных с изменениями структуры промышленного производства республик Среднеазиатского региона, их аграрных, кадровых и иных проблем.

Канд. ист. наук А. А. Голованов (Ташкент) подчеркнул актуальность изучения проблем аграрной политики в условиях упрочения и развития социализма. По его мнению, важно дать объективную оценку опыта сельскохозяйственного строительства рассматриваемого периода, выявить как допущенные просчеты, недостатки, так и то ценное, что может быть использовано в аграрном производстве. В числе других необходимо во всей полноте осмыслить те факторы, на базе которых стали возможны отступления от ленинской теории социалистического строительства, деформации в социально-экономическом развитии советской деревни, в том числе узбекского села.

Канд. ист. наук К. С. Сарыбаев (Нукус) говорил об историческом опыте орошения Южного Приаралья в 40—50-е годы. Его специфику он видит в переходе от примитивных способов подачи воды к инженерным сооружениям, от малопродуктивного чигиря — к современным насосным установкам, от тяжелого рытья каналов лопатами — к экскаваторам, бульдозерам, землесосам, скреперам и грейдерам. Однако безхозяйственность и волюнтаризм в использовании воды и земли, командно-административные методы управления привели к катастрофическим последствиям — усыханию Арала, засолению земель Южного Приаралья. К. С. Сарыбаев высказал ряд соображений по восстановлению уровня Аральского моря.

В выступлении канд. ист. наук К. Ф. Сандовой (Ташкент) проанализирован ряд аспектов общественно-политической жизни Узбекистана в послевоенные годы. Особое внимание уделено Советам как органам народовластия, роль которых в условиях 40—50-х годов в силу господства культа личности была принижена. На конкретном материале был прослежен процесс обновления Советов, восстановления демократических основ в их деятельности после XX съезда КПСС. Однако сохранение волюнтаристских методов руководства не позволило ввести в действие в полной мере потенциал демократической сущности Советов. Значительное место в выступлении было отведено взаимодействию Советов с другими общественно-политическими организациями — профсоюзам, комсомолом, женсоветами и др. Особо подчеркнута фактическое отсутствие научных исследований по проблемам общественно-политической сферы жизни Узбекистана в рассматриваемый период.

Доктор ист. наук Т. Д. Дульшималиев (Фрунзе) на материалах РСФСР и Киргизской ССР показал роль и значение сотрудничества и взаимопомощи народов союзных республик, основанных на принципах социалистического интернационализма, в развитии сельского хозяйства в послевоенные годы, и отметил возникшие в этом вопросе проблемы.

Канд. ист. наук Х. М. Абжанов (Алма-Ата) осветил основные тенденции развития сельской интеллигенции Казахстана в послевоенные годы. Ее социальное развитие он непосредственно связывает с совершенствованием образовательного уровня, профессиональной квалификации, национального и половозрастного состава, социальных резервов роста. Вместе с тем были подчеркнуты отрицательное влияние культа личности, бюрократического стиля управления, просчеты в развитии сельского хозяйства, производственной инфраструктуры на социально-политический облик сельской интеллигенции республики. Х. М. Абжанов пришел к выводу, что становление казахской советской интеллигенции, начавшееся в дооктябрьский период, завершилось на этапе упрочения социализма. Именно в 40—50-е годы, по его мнению, сложились стабильные квалифицированные отряды национальной интеллигенции, которые прочно закреплялись в социальной структуре города и села.

Канд. ист. наук Л. Абасова (Ташкент) заострила внимание на отрицательном влиянии культа личности на развитие культуры Узбекистана в 40—50-е годы.

Определяющей чертой культурной политики в те годы стали произвол, авторитарность суждений и оценок, грубое вмешательство в творческую деятельность, отрицание элементарных художественных свобод. В силу этого в Узбекистане публиковалось мало произведений, отражавших негативные стороны жизни республики. Слабо развивались сатирические жанры, музыкальная, театральная культура и др. Преобладали парадное живописание, приукрашивание действительности, бесконфликтность. Деформация кадровой политики в духовно-культурной сфере способствовала свертыванию творческой мысли. После XX съезда КПСС, осудившего антимарксистскую сущность культа личности, были реабилитированы и восстановлено доброе имя многих деятелей культуры республики.

В центре выступления доктора ист. наук Ш. А. Зухритдинова (Ташкент) стояли вопросы изучения и разработки истории городов Узбекистана. Он предложил выработать новые подходы в изучении этой проблемы, проявлять больше научной компетентности, смелости в критике негативных явлений, раскрытии «белых пятен» и «научных лакун» в становлении и развитии социалистических городов республики.

С сообщениями на конференции выступили также доктор ист. наук С. И. Гитлин (Ташкент) — о достижениях и проблемах в развитии национальных отношений в Узбекской ССР в 40—50-е годы и доктор ист. наук Д. И. Пак (Ташкент) — о некоторых вопросах политического руководства жизнью республик Средней Азии и Казахстана в послевоенный период.

В прениях приняли участие кандидаты ист. наук К. М. Муминов (Ташкент), А. Нуритов (Ташкент) и др.

На основе широкого обмена мнениями участники конференции приняли рекомендации, предусматривающие следующие приоритетные направления в разработке истории республик Средней Азии и Казахстана периода упрочения и развития социализма (1946 г. — конец 50-х годов):

I. Поднять методологический уровень исследований историков, углубить в этих целях понимание ленинской концепции социализма на этапе его упрочения и развития, его общих и специфических особенностей в конкретно-исторических условиях республик Средней Азии и Казахстана.

II. Историкам региона принять активное участие в общесоюзной дискуссии о новой схеме периодизации советского общества, о хронологических рамках периода его упрочения. При определении его граней опираться на диалектический принцип историзма и глубокий объективный анализ изменений в способе производства, классовой структуре общества, в политике и т. д. предшествующего и последующего этапов социализма.

III. Выявить и глубоко изучить объективные и субъективные факторы наслоения культа личности на все сферы жизни республик Средней Азии и Казахстана в период упрочения социализма.

IV. Широким проблемным полем для многопланового научного исследования должна стать экономическая сфера истории республик Средней Азии и Казахстана.

V. Более глубоко изучить корни негативных явлений в развитии экономики на этапе упрочения социализма (промышленность, сельское хозяйство и др.) при командно-волевых методах руководства сверху, практически исключавших возможность использования эффективных форм экономического развития и содержащих в себе глубокие противоречия, отрицательно сказавшиеся на экономическом процессе в последующие годы.

Исследовать на основе научного переосмысления исторического процесса проблемы развития сельского хозяйства республик Средней Азии и Казахстана с учетом тековых последствий монокультуры хлопчатника, борьбы за обязательный «казахстанский миллиард», ошибок в водохозяйственном строительстве и др., которые обернулись для региона множеством социальных, экологических проблем.

VI. Пересмотреть весь комплекс проблем истории рабочего класса республик Средней Азии и Казахстана на этапе упрочения социализма, всесторонне изучая внутренние процессы его развития (изменения в источниках пополнения, численности, состава, структуре и т. д.).

Обратить особое внимание на изучение истории отраслевых отрядов рабочего класса (особенно сельскохозяйственного, строительного), всей совокупности изменений его социального облика, его общественно-политической деятельности и взаимодействия с крестьянством (деханством). При этом важно разработать вопрос о «границах» рабочего класса, его ведущей роли на этапе упрочения социализма.

В комплексе экономических и социальных проблем особого внимания заслуживают национальные аспекты истории рабочего класса республик Средней Азии в рассматриваемый период.

VII. Объектом изучения остаются также вопросы истории колхозного крестьянства и народной интеллигенции (материальное положение, культура и быт, демографические процессы, подготовка кадров и др.).

VIII. Всесторонне и глубоко изучать общественно-политический аспект истории республик Средней Азии и Казахстана с позиций осмысления ленинских принципов демократизации и социалистического самоуправления народа.

IX. Важным направлением изучения истории республик Средней Азии и Казахстана в период упрочения и развития социализма должны стать ее духовно-культур-

ные аспекты (народное образование, культурно-просветительская работа, наука, литература и искусство, повышение культуры быта города и села, развитие социалистического образа жизни, антирелигиозное воспитание и др.).

Теоретически и практически важными для периода упрочения социализма являются проблемы социальной политики, классовой структуры, женская проблема, вопросы национальных отношений, создания и развития новых социалистических городов.

Участники конференции высказались за развитие и углубление научных связей и контактов историков региона, систематический обмен опытом работы и создание фундаментальных совместных трудов по всем проблемам этапа упрочения социализма.

Материалы конференции решено опубликовать отдельным изданием.

Л. Г. Тетенева

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО» В ТАШКЕНТЕ

В апреле 1988 г. в Институте философии и права АН УзССР состоялась конференция читателей журнала «Советское государство и право». В ней приняли участие научные сотрудники Института, преподаватели и аспиранты юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, Высшей партийной школы при ЦК КПУз, Ташкентской высшей школы МВД СССР, преподаватели общественных кафедр вузов, практические работники правоохранительных органов республики.

Открывая обсуждение, главный редактор журнала «Советское государство и право» К. Ф. Шеремет рассказал об основных направлениях работы редакции. Он подчеркнул, что главная задача издательского коллектива — сделать журнал более содержательным и интересным. В этих целях расширена проблематика публикуемых статей, введены новые рубрики, подготовлены публикации по правовым проблемам перестройки. Журнал критически пересматривает свою позицию по многим традиционным вопросам юридической науки. Основной путь повышения престижа журнала — обсуждение на его страницах теоретических проблем государственно-правового развития в условиях перестройки таким образом, чтобы они живо интересовали читательскую аудиторию, получали отклики не только среди ученых, но и среди работников государственных органов, депутатов, советских граждан.

Однако, отметил К. Ф. Шеремет, в редакцию поступает недостаточно статей, в которых анализировались бы острые социальные проблемы, формулировались обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательства и практики его применения и которые были бы построены на обобщениях социологического материала. Уровень многих статей, поступающих в журнал, оставляет желать лучшего. На качестве публикуемых материалов сказывается и то, что ученые-юристы в своей работе недостаточно опираются на эмпирические исследования, их труды порой слишком умозрительны, мало увязаны с практикой. Отсюда и нехватка обоснованных практических выводов. Авторы охотно обращаются к новым явлениям правовой действительности, но пишут о них иногда по-старому, не обновляя методов их изучения, ограничиваются порой схоластическим сопоставлением существующих точек зрения.

Не получили еще должного резонанса введенные редакцией рубрики «Право и справедливость», «Заметки публициста», дающие возможность организовать интересные дискуссии. Главный редактор журнала пригласил принять участие в продолжении обсуждения проблематики этих и других рубрик, а также высказаться по поводу планируемого обсуждения на страницах журнала тем — «История Советского государства и права. Люди, события, идеи», «Законопроектные работы».

К. Ф. Шеремет назвал также ряд вопросов, которые желательно было бы шире освещать на страницах журнала, прежде всего о социалистическом правовом государстве, судебно-правовой реформе. Нуждаются в разработке и такие аспекты развертывания советской демократии, как более эффективное использование возможностей всех видов демократических институтов, обеспечение широкого, делового и всестороннего обсуждения вопросов, выносимых на сессии Советов, расширение гласности, строжайшее соблюдение принципа равенства граждан перед законом, укрепление дисциплины и ответственности, повышение эффективности борьбы с правонарушениями, особенно с преступностью. Видимо, и редакция должна активизировать свои усилия по организации подготовки соответствующих материалов.

К. Ф. Шеремет выразил надежду, что участники конференции своими критическими замечаниями помогут улучшению работы журнала.

Выступившие затем участники конференции отметили, что «Советское государство и право» — головной, высоко авторитетный научно-академический журнал (А. А. Агзамходжаев, А. Н. Михайлов, А. А. Азизходжаев), и признали, что его деятельность в целом заслуживает положительной оценки (Ш. З. Уразаев, М. М. Файзиев, К. К. Камиллов, Ф. Х. Бакаева). Журнал за последние годы стал еще интереснее и содержательнее. Он должен не только шагать в ногу со временем, но и идти не-

сколько впереди. Журнал выступает инициатором обсуждения многих крупных научных проблем, которые служат ориентирами развития юридической мысли. Полезны публикации материалов «круглых столов», научно-координационных совещаний, конференций, которые дают возможность сконцентрировать внимание читателей на наиболее дискуссионных вопросах (А. Х. Саидов), следует чаще практиковать такую форму (Х. Т. Адилкариев).

Вместе с тем сделан ряд замечаний, внесено немало конструктивных предложений, призванных содействовать повышению роли журнала в разработке наиболее актуальных государственно-правовых проблем перестройки.

А. А. Агзамходжаев отметил, что задача журнала — отражать достигнутый уровень развития юридической науки в стране, стимулировать разработку отдельных тем, будить творческую мысль ученых-юристов. По его мнению, журналу целесообразно организовать творческие дискуссии по наиболее актуальным вопросам перестройки правовой науки, как это сделал журнал «Коммунист» (№ 14 за 1987 г.), или открыть новую рубрику «Юридическая наука — практике перестройки». Его поддержал Ш. З. Уразаев, который отметил, что сейчас готовится кардинальная правовая реформа, но ее модель, концепция нигде не обсуждаются. Разрабатываются новые законодательные акты почти по всем отраслям права, но нигде не было организовано дискуссий по вопросу о том, какими они должны быть. Надо изложить в журнале теоретические предпосылки правовой реформы, ее контуры, цели и задачи.

Г. А. Абдумаджидов подчеркнул, что журналу необходимо публиковать материалы, анализирующие региональные причины застойных лет. Все недостатки нельзя сводить лишь к отдельным личностям. Надо анализировать совместно с представителями смежных наук весь комплекс причин негативных явлений. В этой связи следует представлять в одном номере журнала различные позиции по одной и той же теме.

Специального внимания заслуживают статьи, помещаемые под рубрикой «Советское строительство». А. Н. Михайлов и К. К. Камиллов отметили, что отдельные статьи этой рубрики не содержат теоретических обобщений о новом содержании организационно-правовых форм работы Советов на нынешнем этапе перестройки. Желательно, чтобы редакция организовала по этим вопросам совместные выступления практических и научных работников.

З. М. Исламов говорил о необходимости публикации в журнале статей по методологии правового воспитания. В центре внимания журнала, особенно в свете решений февральского (1988) Пленума ЦК КПСС, должны находиться вопросы юридического всеобуча, формы и методы его проведения (в первую очередь среди молодежи). Глубже надо исследовать и такую острую проблему, как роль наказания в воспитании и исправлении несовершеннолетнего, всегда ли оно достигает своей цели. Журнал должен уделять внимание и неформальным объединениям молодежи. Предлагалось также публиковать больше постановочных, дискуссионных статей, обобщающих материалы судебной, следственной и прокурорской практики (З. Д. Мадалиева).

Х. Р. Рахманкулов обратил внимание на то, что журнал не всегда поспевает за теми задачами, которые поставлены перед юридической наукой перестройкой. Он считает, что журнал печатает мало теоретических статей по отраслям права. На страницах журнала длительное время не обсуждались проблемы гражданского законодательства. Журнал должен давать основные методологические ориентиры развития отраслевых юридических работ. Особое внимание должно быть уделено публикации материалов, связанных с рациональным использованием природных ресурсов (И. Д. Джалилов). Следует открыть новую рубрику — «Региональные проблемы охраны окружающей среды» (Н. К. Скрипников).

За последнее время в публикациях журнала весьма четко обозначилась тенденция усиления внимания к практической роли юридической науки. Большой интерес в этой связи вызвали материалы Всесоюзной конференции, состоявшейся в Звенигороде 18—20 мая 1987 г. (№№ 9—12 за 1987 г.). Вместе с тем надо выдерживать в целом академическую направленность журнала и не перегружать его практическими материалами. Известную специализацию юридических журналов следует сохранить (А. Х. Саидов).

По мнению А. Н. Михайлова, в последнее время повышается качество публикаций, появился ряд статей острокритического направления. Такие статьи «работают» на перестройку, имеют непосредственное практическое значение, редколлегиям надо их всемерно поддерживать.

Вопросам методологии юридической науки, по мнению М. М. Файзинова, в последние годы не уделяется должного внимания. Он и А. Н. Михайлов предложили также обсудить вопрос о возможности публикации сведений о защищенных диссертациях. Особенно важно усилить роль журнала в реализации координационных функций Научного Совета «Закономерности развития государства, управления и права» АН СССР, чему способствовало бы информирование об основных направлениях и тематике научно-исследовательских работ ведущих научных и учебных коллективов страны. Было бы целесообразно организовать в журнале «круглый стол» по государственно-правовым проблемам некапиталистического пути развития. Ш. Инагамов, охарактеризовав публикации журнала по уголовно-правовой тематике, пред-

ложил координировать усилия всех юридических журналов в освещении вопросов борьбы с преступностью, в частности путем рационального «разделения труда» между журналами «Советское государство и право», «Правоведение», «Советская юстиция», «Социалистическая законность». Следует и в дальнейшем развивать координирующую роль журнала, избегать публикаций, дублирующих материалы других журналов.

Журнал не должен публиковать тяжеловесные, академические статьи с изложением общезвестных истин, необходимы небольшие, оригинальные выступления ученых и практиков, способствующие решению сложных правовых проблем, возникающих в ходе перестройки (Ф. Х. Бакаева). В рубрике «Законопроектные работы» следовало бы публиковать не только концепции ученых по тем или иным законам, но и информацию о том, какие законопроекты какими юридическими учреждениями готовятся, какие трудности и проблемы при этом возникают. Журнал мог бы объявлять конкурсы на подготовку концепций законопроектов, включенных в план законопроектных работ Президиума Верховного Совета СССР.

О значении изучения зарубежного правового опыта для нашего законодательства говорила Р. Ю. Юсувалнева. Она подчеркнула, что было бы желательно публиковать в журнале новые законы, принятые в социалистических странах.

Многие выступавшие высказались за расширение круга исследуемых в журнале проблем. Требуя обсуждения сложные государственно-правовые проблемы национальных отношений (А. А. Агзамходжаев, А. Н. Михайлов, А. А. Азизходжаев), теория и практика применения законодательства об административных правонарушениях (М. М. Мирхамидов), правовые обеспечения социалистического самоуправления народа (З. М. Исламов).

Едва ли не центральное место на конференции занял вопрос, сформулированный К. Ф. Шереметом следующим образом: академизм и жизнь. Иными словами, как добиться приближения журнала к насущным потребностям практики, сохранив вместе с тем его проблемный характер. Этому вопросу так или иначе касались все участники обсуждения. По мнению зам. главного редактора журнала А. И. Гринберга, академический журнал не должен гоняться за сенсационностью. Усиление связей с жизнью не должно происходить за счет снижения теоретического уровня журнала. Это мнение поддержали и другие выступавшие.

Журнал интересен для ученых-обществоведов своими материалами по отдельным историческим событиям и личностям, обсуждением острых социальных вопросов, разработкой теории правовой системы. К статьям по этим вопросам следует предъявлять повышенные требования, ибо их изучает широкий круг читателей. Ш. З. Уразаев предложил помещать в журнале очерки о наиболее видных репрессированных юристах, давать анализ теоретико-методологических ошибок А. Я. Вышинского. А. Х. Саидов говорил о необходимости более широкой публикации рецензий, в частности на монографии, изданные в 20—30-е годы, поскольку многие из них и сегодня представляют значительный интерес. Желательно также давать несколько рецензий на одну и ту же книгу с тем, чтобы оценка ее было всесторонней. Журнал публикует еще мало рецензий на работы, издаваемые на периферии, недостаточно оперативно и полно освещает научную жизнь союзных республик, не всегда отражает некоторые мероприятия научного характера, проводимые на региональном уровне. Целесообразно давать на страницах журнала обзоры научных исследований, выполненных в союзных республиках. Вообще целесообразно открыть новую рубрику — «Юридическая жизнь союзных республик».

По мнению А. Х. Саидова, журнал должен способствовать более широкому применению учеными-юристами сравнительного правоведения, стать базой для формирования социалистических отраслевых юридических наук. Вызвали бы интерес регулярные публикации, посвященные зарубежным странам: обзоры и комментирование новейшего законодательства, практики его применения, развития юридической науки, рецензии на новую литературу и т. д.

Отмечено также, что некоторые публикуемые журналом к юбилейным и памятным датам статьи не отличаются высоким качеством, а потому было бы целесообразно объявлять конкурсы на подготовку статей такого рода.

В выступлениях участников конференции был сформулирован ряд конкретных предложений по совершенствованию стиля и форм работы журнала с авторами и читателями.

Ш. З. Уразаев констатировал, что связь журнала с вузами и научно-исследовательскими центрами еще недостаточна.

Журнал плохо или вообще не работает с молодыми авторами, не заинтересован в расширении авторского коллектива (А. А. Агзамходжаев, Г. А. Абдумаджидов). Если есть заинтересованность в публикации той или иной статьи, то нужно дать авторам четкие рекомендации, а после учета их непременно публиковать эти материалы (С. И. Воробьева). Журнал этот в своем роде — единственный в нашей стране и, учитывая ее многонациональность, следовало бы включать в состав редколлегии представителей от каждого региона, который выражал и защищал бы интересы авторов из этого региона (Ш. З. Уразаев).

Ряд товарищей высказались за то, чтобы возродить традицию выпуска специальных номеров журнала, посвященных развитию юридической науки в отдельных

союзных республиках, в частности в Узбекистане. Это мнение поддержали А. А. Агзамходжаев, И. Д. Джалилов, М. М. Файзиев, Х. Р. Рахманкулов, А. А. Азизходжаев, Г. А. Абдумаджидов отнесся к этому предложению скептически.

Говорилось и об улучшении работы редакции. Есть смысл подумать о составлении перспективных планов публикаций и о подборе авторов (А. А. Агзамходжаев); из-за длительных сроков прохождения статей материал устаревает (Г. А. Абдумаджидов); мало публикуется статей периферийных авторов, журнал нередко выглядит как орган московских ученых (Ш. З. Уразаев). К. Ф. Шеремет сказал, что это обусловлено не только объективными причинами, но во многом и недостаточной активностью самих авторов из союзных республик.

А. А. Агзамходжаев, М. М. Файзиев, И. Д. Джалилов подчеркнули важность дальнейшего укрепления организационных форм связи журнала с читателями и авторами, формирования общественного актива на местах, что будет способствовать расширению подписки на журнал, поступлению материалов для дискуссий, заседаний «круглого стола» и т. д. А. Х. Саидов предложил создать рубрику откликов на опубликованные журналом материалы под названием «Резонанс», которая отражала бы «обратную связь» читателей с журналом. В ней можно было бы чаще публиковать письма в редакцию, отклики на опубликованные материалы, рецензии критического характера.

Зам. главного редактора А. И. Гринберг отметил, что основные направления деятельности журнала определены задачами, поставленными перед советской юридической наукой XXVII съездом партии и решениями последующих Пленумов ЦК КПСС о дальнейшей демократизации всех сторон общественной жизни, углублении социалистического самоуправления народа, усилении правового воспитания советских граждан. Публикуемые материалы отражают основные тенденции развития юридической науки и каждой из ее отраслей, показывают развитие основных институтов советского права в свете новейшего законодательства и достижений юридической науки, содержат предложения по дальнейшему совершенствованию правового регулирования социалистических общественных отношений. Журнал публикует и статьи, посвященные наиболее актуальным датам и событиям в жизни нашей страны, а также важнейшим событиям в международной жизни. Некоторые рубрики специально приурочены к памятным юбилейным датам.

А. И. Гринберг признал справедливость большинства сделанных в адрес редакции журнала замечаний и поблагодарил за взыскательный и вместе с тем доброжелательный подход к его работе. Он обратил внимание на значительные трудности, связанные с организацией и проведением в журнале научных дискуссий. Далеко не просто определить тему, которая позволила бы, с одной стороны, принять участие в дискуссии представителям большинства существующих в юридической науке отраслей (от государственного и международного права до уголовного процесса и криминалистики), а с другой, — сконцентрировать внимание участников дискуссии на постановке и решении действительно магистральных, социально значимых проблем государственно-правового развития.

К. Ф. Шеремет отметил, что юристы — ученые и практики такой крупной союзной республики, как Узбекистан, явно недостаточно участвуют в работе журнала, и обратился с просьбой присылать в журнал побольше материалов «хороших и разных». Такая форма помощи журналу окажется, вне всякого сомнения, наиболее действенной.

Выступавшие отметили несомненную полезность читательских конференций и порекомендовали проводить их чаще. В заключение К. Ф. Шеремет и А. И. Гринберг выразили удовлетворение состоявшимся обсуждением работы журнала, ответили на вопросы и изложили свои соображения по поднятым на конференции проблемам, заверили, что все высказанные конструктивные предложения по улучшению содержания журнала будут тщательно проанализированы редколлегией и редакцией и учтены ими в дальнейшей работе. Они могут быть успешно реализованы, если сами участники конференций, составляющие актив журнала, будут систематически оказывать ему действительную помощь. Журнал рассчитывает на то, что сотрудничество его с учеными-юристами Узбекистана будет расти из года в год, способствуя успешному решению насущных проблем государственно-правовой жизни страны, превращению СССР в подлинно правовое социалистическое государство.

А. Х. Саидов

ХИХ БУТУНИТТИФОҚ ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯСИГА БАҒИШЛАНГАН КЎРГАЗМА

КПСС нинг XIX Бутуниттифоқ конференцияси Москвада тўрт кун иш олиб борди. Тўрт кун давомида миллион-миллион кишиларнинг нигоҳи Кремлдаги Съездлар Саройига қаратилган эди. Бу ерда ҳозирги кунимиз ва келажакимиз тўғрисида, партия ташаббуси билан ва унинг раҳбарлигида авж олиб кетган революцион қайта қуришни муқаррар этиш тўғрисида рўй-ростлиги, очиқ-ойдинлиги ва башевикча тўғри сўзлиги жиҳатида беқийс бўлган катта партиявий фикрлашув бўлиб ўтди.

Совет коммунистларининг анжумани ўзига қаратилган диққат-эътибор ўзи билан боғланган орзу-умидлар ва фикр-ўйларни оқлади. Конференция ленинча руҳда

Ўтди, анжуманда халқ олдидаги, революция олдидаги юксак масъулият тантана қилди.

Дунё халқлари диққатини ўзига тоʻтган мазкур конференция ишида республикада коммунистларнинг 178 вакили иштирок этди.

ЎзССР ФА Ойбек номида Ўзбекистон Халқлари тарихи музейи коллективи шу тарихий воқеага бағишлаб: «КПСС нинг XIX Бутуниттифоқ конференцияси қарорлари ҳаётга!» мавзунда кўргазма тайёрлади.

Кўргазма уч бўлимдан иборат бўлиб, биринчи бўлим конференция арафасида Ўзбекистон меҳнаткашлари ўзларининг энг яхши меҳнатда ўрнак кўрсатган ўғил-қизларидан номзодлар кўрсатишга бағишланган.

Бунда КПСС Марказий Комитетининг Бош секретари М. С. Горбачевнинг «Алгоритм» ишлаб чиқариш бирлашмасида бўлганлиги ҳақида турли экспонатлар билан танишиш мумкин. Экспонатлардан бирида «Алгоритм» ишлаб чиқариш бирлашмасининг бош директори — конференция делегати Раҳим Ражабович Ражабов корхона маҳсулоти ва ютуқлари ҳақида гапириб бермоқда. Кўргазмада шу ҳақда расмлардан намуналар берилган.

«Правда» газетасининг 24 май 1988 йилда чиққан, сонида КПСС Марказий Комитетининг XIX Бутуниттифоқ конференцияси тезислари халқ муҳокамасига ҳавола қилинган. Конференция тезисларини Ўзбекистон меҳнаткашлари қизғин кутиб олишлари, уларнинг конференцияда қатнашиши учун делегатлар сайлаганлари ҳақида ҳикоя қилувчи газета ва журналлар намуналари кўргазмадан ўрин олган. Масалан, I-сон Ташмонташгазмонтаж қурилиш корхонасининг газосваршик пайвандловчиси, КПСС XIX Бутуниттифоқ конференция делегати Б. Я. Назаров иш устида конференцияни меҳнатда катта ютуқлар билан кутиб олганлиги расми, Чорвоқ ГЭС нинг комплекс бригадаси бошлиғи, конференция делегати Н. Ф. Романенко, СССР космонавти икки марта Совет Иттифоқи Қаҳрамони В. Н. Жонибековнинг бригада коллективи билан танишуви жараёни. Ангрен шаҳридаги Ҳурмат белгиси ордени «Ўзбекистон» қурилиш бошқармасининг бошлиғи, конференция делегати Э. В. Капустян ҳақида ҳикоя қилувчи «Ангренская правда» газетасининг 1988 йил 9 июнь сони шулар жумласидандир.

Мирзачўл район «Ўзбекистон» совхози сут соғувчиси Қундуз Қуттиева, Тошкент область Паркент район, Паркент совхози узумчилик бригада бошлиғи Манзалат Тўйчиева ва бошқа конференция делегатларининг меҳнатда намуна кўрсатиб, эришган ютуқлари ҳақида кўргазмада қизиқарли маълумотлар келтирилган.

Кўргазманинڭ иккинчи бўлимида 28 июнда Ватанимизнинг пойтахти Москва — Кремль Съездлар саройи расми ва КПСС XIX Бутуниттифоқ конференциясининг очилиши расмларидан намуналар кўрсатилган.

XIX Бутуниттифоқ партия конференцияси қайта қуришни чуқурлаштириш, сиёсий системани ислоҳ қилиш, партия ва жамиятни янада демократиялаштиришга оид йирик қарорларни кенг қўламда муҳокама этди ва қабул қилди. Текст асосида конференцияга оид делегат бўлиб сайланган 178 та вакилнинг рўйхати келтирилган.

Тошкентдаги болалар уйининг директори, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, конференция делегати А. П. Хлебущкина конференция делегатлари билан фикрлашганлиги;

Мажлислар залида Ўзбекистонлик делегатларнинг группа бўлиб тушган расмлари, «Неделя» газетасида делегатларнинг ибратли сўзларидан намуналар, Ўзбекистонлик меҳмонларнинг «Звездный» шаҳарчасида бўлгани ҳақидаги расмлар берилган.

Кўргазмада конференция делегатларидан Чкалов номи самолётсозлик ишлаб чиқариш бирлашмасининг махсус токарлар бригадаси бошлиғи В. Т. Одилов, Ўзсовпроф ранси Х. Алимова, Тошкент тракторсозлик ишлаб чиқариш бирлашмаси «Силлиқлаш» бригадасининг бригадири, СССР Давлат мукофоти лауреати В. М. Харитонова, қишлоқ хўжалиги илғорлари В. Мусаева, Т. Ҳамрабоева ва бошқаларнинг конференция делегатлик ҳужжатлари кўрсатилган.

Конференция кўпларида Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитетининг биринчи секретари Р. Н. Нишонов матбуот конференцияси ўтказгани акс эттирилган расм ва ҳужжатлардан намуналар;

Ўзбекистонлик делегатларнинг В. И. Ленин мавзолейига гулчамбарлар қўётганлиги, уларнинг иттифоқчи республика делегатлари билан учрашувлари ҳақидаги ва бошқа расм-ҳужжатлардан намуналар ҳам кўргазмадан кенг ўрин олган.

Кўргазманинڭ учинчи бўлими конференция қарорлари ҳаётга қандай татбиқ қилинаётганлигига бағишланган.

КПСС XIX Бутуниттифоқ конференцияси ўз ишини тугатгандан кейин, делегатлар иш жойларига қайтар экан, конференциядан олган таассуротларини коллективларига бориб, улар билан фикр алмашишди.

Кўргазмада Олмалиқ кон-металлургия комбинати флототар бригадасининг бошлиғи, СССР Давлат мукофотининг лауреати, конференция делегати Л. Л. Алексеева, Калинин район К. Маркс номида колхознинг 34-сон мактаб ўқитувчиси Ф. Хўжаева ва бошқаларни;

«Технолог» илмий ишлаб чиқариш бирлашмаси партия комитети секретари Т. А. Абдураҳмонов ишчи-хизматчиларнинг меҳнатда эришилган ғалаба рапортини қабул қилар экан, ўзи ҳам конференцияда кўрилган янги масалалар ҳақида фикрлашганлиги;

Сирдарё область, Сирдарё район, «Малик» совхозининг пахтачилик бригада бошлиғи Т. Қирғизбоев пахта далаларида жавлон уриб меҳнат қилаётган совхоз деҳқонлари билан ҳамнафас бўлиб меҳнат қилаётгани;

конференция қарорларини кенг омма ўртасида муҳокама қилаётган делегатлардан А. Мирзаметов (Ўзбекистон металлургия заводининг пўлат куювчиси), Л. Е. Амон (Тошкент область Коммунистик район «Правда» колхозининг сўт соғувчиси), А. А. Асқаров (Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг академик секретари), А. Орипов (шоир, Ўзбекистон ССР Ҳамза номи Давлат мукофоти лауреати) ва бошқа конференция делегатларининг расмлари; конференцияга юборилган галаба ютуқлари, меҳнат рапортлари, телеграммалар, газета мақолалари, брошюра-китоблар, делегатларнинг ҳужжатларидан намуналар берилди.

Кўргазма саноат корхоналарида, колхозларда, илмий муассасаларда кенг жамоатчиликка намойиш этилади.

Оталаримизнинг бир ажойиб сўзи бор, минг айтишгандан кўра, бир кўрган афзалдир. Шунинг учун ҳам кенг жамоатчилик келиб кўрсалар жуда яхши бўларди.

Э. Қодиров

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОНОМАРЕВ (1936—1988)

20 августа 1988 г. скончался заместитель директора Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, историк-востоковед, пакистановед, доктор исторических наук Юрий Александрович Пономарев.

Ю. А. Пономарев родился 5 ноября 1936 г. в Москве в семье рабочего. В 1959 г., после окончания с отличием восточного факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, он был направлен на работу в Сирию в качестве переводчика с английского языка. С 1960 г. Ю. А. Пономарев работал в Институте востоковедения АН УзССР в должности младшего научного сотрудника, затем окончил аспирантуру при Институте востоковедения АН УзССР и в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политика Пакистана в арабских странах», после чего был переведен на должность старшего научного сотрудника.

В творческом росте молодого ученого большую роль сыграла командировка в Пакистан (1968—1971 гг.), позволившая ему шире ознакомиться с уникальными архивными материалами, работами пакистанских исследователей по внутренней и внешней политике страны.

Весь последующий творческий путь Ю. А. Пономарева был непосредственно связан с Институтом востоковедения АН УзССР, где он продолжал успешно трудиться в должности старшего научного сотрудника. В 1983 г. Юрий Александрович успешно защитил докторскую диссертацию «История Мусульманской лиги Пакистана». Его монография на эту тему была издана в Москве, затем переведена на английский язык и опубликована в Пакистане. Он — автор более 50 научных трудов.

В 1986 г. Ю. А. Пономарев был назначен руководителем Центра научной информации по общественным наукам АН УзССР, а позже переведен на должность зам. директора Института истории АН УзССР. В декабре 1987 г. он вновь вернулся в ИВ АН УзССР, где продолжал трудиться на должности зам. директора по науке.

В течение длительного времени Ю. А. Пономарев сочетал научную деятельность с преподавательской, читая лекции на английском языке по курсу международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения в Ташкентской Республиканской комсомольской школе.

Юрий Александрович принимал участие во многих республиканских, общесоюзных и международных научных форумах.

Член КПСС с 1968 г. Ю. А. Пономарев вел активную общественную работу. Он неоднократно избирался в партбюро ИВ АН УзССР, а в 1979—1984 гг. был секретарем парторганизации Института. В 1979—1985 гг. Юрий Александрович был заведующим внештатным отделом науки Куйбышевского РК КПУз г. Ташкента; в эти же годы избирался членом райкома КПУз и депутатом Куйбышевского районного Совета народных депутатов. Важное место в деятельности Ю. А. Пономарева занимала пропаганда достижений советской востоковедческой науки. Он был активным членом общества «Знание», заместителем руководителя секции востоковедения Республиканского проблемно-координационного совета по истории, членом правления УзОДКС и т. д.

Светлый образ Юрия Александровича Пономарева навсегда сохранится в памяти всех, кто знал его и работал с ним рядом.

Группа товарищей

МУНДАРИЖА

КПСС XIX конференциясининг делегати сўзлайди

А. А. Асқаров. Партия ва халқ ҳаётидаги муҳим воқеа 3

Партия қарорлари — ҳаётга!

М. Искандаров. КПСС аъзосининг олий унвони, Коммунистик партия аъзосининг покиза ва ростгўй маънавий қиёфаси 7

И. Иноятов. СССР ва АҚШда пахтачиликни ривожлантиришнинг баъзи бир масалалари 16

Ш. Ф. Ҳакимов. Давлат корхонаси (бирлашмаси) ҳақидаги СССР Қонунига мувофиқ иқтисодий рағбатлантиришнинг роли 24

Илмий ахборот

И. М. Йўлдошев. Афғонистон дипломатиясининг ташкил топиши тарихидан 28

М. Х. Исомиддинов. Қадимий Сўғд ибодатхоналари 32

Архив саҳифаларидан

М. Ю. Юнусхўжаева. XIX асрнинг иккинчи ярмида Россия ва Шарқий Туркистон савдосида Урта Осиёнинг роли ҳақидаги архив ҳужжатлари 36

Танқид ва тақриз

В. А. Аулов. Урта Осиё халқларининг фалсафий мероси ва ғоявий кураш 39

Ш. Воҳидов. Т. Қ. Бейсембиев. «Таърих-и шохрух» тарихий манбадир 40

Хроника

Э. Ю. Юсупов, М. М. Хайруллаев, С. Ш. Шермухамедов. Академик П. Н. Федосеевнинг 80-йиллигига 42

Қ. Х. Хоназаров. XVIII Умумжаҳон философия конгресси 43

Л. Г. Тетенева. Социализмни мустаҳкамлаш ва ривожлантириш даврида Урта Осиё ва Қозоғистон республикаларининг тарихи масалалари бўйича илмий конференция 44

А. Х. Саидов. «Совет давлати ва ҳуқуқи» журналининг Тошкентда ўтказилган ўқувчиларининг конференцияси 48

Э. Қодиров. XIX Бутуниттифоқ партконференциясига бағишланган кўрғазма 51

Юрий Александрович Пономарев (1936—1988) 53

СОДЕРЖАНИЕ

Слово делегату XIX конференции КПСС

- А. А. Аскар-ов. Важнейшее событие в жизни партии и народа 3

Решения партии — в жизнь!

- М. Искандеров. За высокое звание члена КПСС, за чистый и честный облик партийца 7
И. Иноятов. Некоторые проблемы развития хлопководства в СССР и США 16
Ш. Ф. Хакимов. О роли экономического стимулирования в свете Закона СССР о государственном предприятии (объединении) 24

Научные сообщения

- И. М. Юлдашев. Из истории становления афганской дипломатии 28
М. Х. Исамиддинов. Молельни древнего Согда 32

По страницам архивов

- М. Ю. Юнусходжаева. Архивные документы о роли Средней Азии в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XIX века 36

Критика и библиография

- В. А. Аулов. Философское наследие народов Средней Азии и борьба идей 39
Ш. Вахидов. Т. К. Бейсембиев. «Та'рих-и шахрухи» как исторический источник 40

Хроника

- Э. Ю. Юсупов, М. М. Хайруллаев, С. Ш. Шермухамедов. К 80-летию академика П. Н. Федосеева 42
К. Х. Ханазаров. XVIII Всемирный философский конгресс 43
Л. Г. Тетенева. Научная конференция по проблемам истории республик Средней Азии и Казахстана в период упрочения и развития социализма. 44
А. Х. Сандов. Читательская конференция журнала «Советское государство и право» в Ташкенте 48
Э. Кадыров. Выставка, посвященная XIX Всесоюзной партийной конференции 51
Юрий Александрович Пономарев (1936—1988) 53

НАШИ АВТОРЫ

- Аскарлов А. А.**— академик АН УзССР, академик-секретарь Отделения истории, языка и литературы АН УзССР.
- Искандеров М.**— доктор исторических наук, ректор Ташкентской Высшей партийной школы.
- Исамиддинов М. Х.**— кандидат исторических наук, зав. сектором археологии Самарканда Института археологии АН УзССР.
- Юнусходжаева М. Ю.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Иноятов И.**— стажер Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.
- Хакимов Ш. Ф.**— аспирант Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Юлдашев И. М.**— сотрудник Ташкентской Высшей партийной школы.

Цена 65 к.

Индекс
75349